

Михаил Огарев

Страсти в неоримской Ойкумене — 1

*Историческая
фантазия*

Михаил Огарев

**Страсти в неоримской Ойкумене
– 1. Историческая фантазия**

«Издательские решения»

Огарев М.

Страсти в неоримской Ойкумене – 1. Историческая фантазия /
М. Огарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850730-4

«Не живите в мире, которого нет!», «Не жалейте о прошлом!»,
«Подчиняйтесь новым законам, которые диктует вам Время!» — эти властные
призывы несутся отовсюду. С ними покорно соглашаются. А вот двое
отказались. И силой воображения создали, как им думалось, необычный,
яркий облик для скучной реальности. Она в обличье служанки с душою
Принцессы. Он — непонятно кто, с внешностью и манерами Принца.
А кругом то ли люди, то ли оборотни с мёртвой хваткой. И в покинутое
уютное Зазеркалье уже не вернуться...

ISBN 978-5-44-850730-4

© Огарев М.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Позиция первая. За десять месяцев до Трагедии	8
Белые фигуры: Пешечка из Римской Империи	8
1	8
2	12
3	15
4	19
5	23
Чёрные фигуры: Хромой офицер	31
1	31
2	33
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Страсти в неоримской Ойкумене – 1 Историческая фантазия

Михаил Огарев

© Михаил Огарев, 2017

ISBN 978-5-4485-0730-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

1. Перед Вами первая часть довольно редкого по стилю и содержанию двухтомного сочинения, жанр которого я определил бы так: «Производственный роман конца короткой эпохи Императорско-плебейской власти и перехода к неопределённому временному периоду власти Кланово-корпоративной».

2. Не удивляйтесь, что в те времена даже на производстве люди много и часто выпивали и весьма любили играть в шахматы. Народное желание «Хлеба и зрелищ» порой принимает самые разнообразные формы.

3. Все исторические и литературные несоответствия, которые наличествуют в рукописи, допущены автором специально и на совершенно трезвую голову.

4. Любые совпадения персонажей книги с реальными людьми – не более чем случайные, само собой. Как это и принято в подобных романах. А вот описанные события большей частью происходили в действительности. К сожалению.

5. И как обычно: морально-этических взглядов своих героев автор разделять вовсе не обязан.

Михаил Огарев.

Есть в сумерках блаженная свобода
От явных чисел века, года, дня.
Когда? Неважно. Вот открытость входа
В глубокий парк, в далекий мельк огня.

Ни в сырости, насытившей соцветья,
Ни в деревьях, исполненных любви,
Нет доказательств этого столетья!
Бери себе другое – и живи.

Ошибкой зренья, заблуждением духа
Возвращена в аллеи старины.
Бреду по ним. И встречная старуха,
Словно признав, глядит со стороны.

Ещё возможно для ума и слуха
Вести игру, где действуют река,
Пустое поле, дерево, старуха,
Деревня в три незрячих огонька...

Души моей невнятная улыбка
Блуждает там, в беспамятстве, вдали;
В той родине, чья странная ошибка
Даст мне чужбину речи и земли.

Но темнотой испуганный рассудок
Трезвеет, рыщет, снова хочет знать
Живых вещей отчетливый рисунок,
Мой век, мой час, мой стол, мою кровать...

Беллия Стопани, римлянка. «Сумерки» (фрагмент)

Позиция первая. За десять месяцев до Трагедии

Белые фигуры: Пешечка из Римской Империи

1

Я, вообще-то, стою на поле «Амба-3». Оно коричневое такое, почти черное, из спрессованной фанеры и закопченных железобетонных плит – на их мрачном фоне моя белая точеная фигурка тревожно переливается каким-то больничным люминесцентным гляncем. Стою давно и надежно, можно сказать, вросла в этот крошечный участочек доски всеми природными ментальными корнями. За двадцать девять сыгранных временных циклов в своей личной партии с Судьбой я сподобилась на одно-единственное серьезное движение и, кажется, сумела-таки переместиться на малюсенькую клеточку вперед по направлению к Глобальным Жизненным Изменениям. Вот буквально только вчера. Правда, сама клетка пока что насквозь виртуальная, но и над этим ни к чему еще не обязывающим ходом я размышляла всю нынешнюю весну. Ну и доразмышлялась.

Не знаю, хвалить ли себя за это или ругать? С одной стороны, такой жизненный ритм очень уж медлителен, но с другой... Я неоднократно могла погибнуть в течение шестнадцатилетнего малоподвижного существования в государственном гимназии на своем крайнем месте в первоначальной расстановке фигур. Так, в день совершеннолетия меня чуть было не задала массивная шестиконная повозка с подозрительно не городским номером, нагло начинавшимся на «ТЮК» (цифр не помню). Неподалеку от поля «Цитадель-2» и в непосредственной близости от общественных серных терм, куда я, нарушая все правила дорожного движения, бойко и вызывающе скакала через скоростную вертикаль «Борис». Пардон, через улицу имени консулярия Бутомия Смелого. Прямо на алый факел светизария, которому пришлось краснеть и по долгу службы, и за мое легкомысленное поведение.

Это был первый из двух случаев в моей, в общем-то, скучной жизни, когда я едва не пострадала через примитивное транспортное средство. Второй произошел девятью годами позднее во время злосчастного бракоразводного процесса.

Следует признаться, что у истоков того грустного события стоял початый с утра алабастр моей любимой горько-сладкой настойки «Рябиновая амброзия» из фирменной греческой лавки «Археоптерикс», с помощью которой я заливала тоску-печаль по утраченному мужу. Фактически уже с полгода, когда выяснилось, что его коммерческие связи с одной из продавчих на рынке, некоей этрусской Изольдией, закончились для последней «дамской задержкой».

Я утешалась очень старательно, и поэтому к двум часам пополудни, когда мне предписано было появиться на судебном заседании, ароматной липучей жидкости в заветной литрушечке оставалось уже не больше трети...

Вообще-то, я давно смирилась с тем, что Воввия удержать не смогу – по причине так и не излеченного бесплодия, которое мне подарило усиленное занятие в юности спортивной гимнастикой в сочетании с частыми публичными выступлениям на просцениумах в небольших лидийских городках. В результате я стала невероятно стройной, как горная козочка из пышных колхидских тостов, хотя по росту гораздо больше походила на недоразвитую жирафку. (Шесть футов без дюймика! Кажется, я обогнала даже высоченную парфянскую спортсменку, легендарную Эльвирию Саадию). Само собой, жировой прослойки никакой, пышных бедер тоже. Темные волосы, собранные в скромный кобылячий хвостик; остренький носик между немножко косящих черных глаз, несколько противных морщинок на лбу, полное отсутствие

модной финикийской косметики, вот и всё. Одним словом, не слишком примечательная Грация Гракова – на пикничках и редких гостевых приемах просто госпожа Грациэлла, без надоевшего упоминания мужниного родового имечка. Примечательное соответствие внешности и характера.

И в придачу то-о-о-нюсенький писклявый голосишко, лишь из вежливости называемый мужчинами птичьим...

Ядреные ягоды рябины, всласть накупавшиеся в выдержанном коньячном морсе, придали мне чувство некоторой уверенности в предстоявшей борьбе за справедливый раздел имущества, нажитого супругами за пять лет совместного склочного прозябания. Я могла оттяпать изрядно добра, шантажируя Воввия жуткой перспективой дележки его фамильной трехкомнатной виллы улучшенной планировки.

К сожалению, в душевной судебной зале мои специфические женские мозги (очень даже неплохие в трезвом состоянии!) начали функционировать весьма странно. Вопреки последней мирной договоренности я громогласным писком потребовала себе всю мебель плюс половину колесницы.

Деревяшки разных размеров на четырех ножках – это ладно, но бедный, вспотевший Воввий напрочь не мог сообразить, как я намереваюсь делить престижный конный экипаж. «Ты хочешь половину его нынешней стоимости? – искренне старался он понять. – Ага... В сестерциях или в статерах?» – «Нет! Желаю живьем! – всюю верещала я в предчувствии близких слез. – И только заднюю часть!!»

Разобраться в этом на редкость вздорном желании было возможно, лишь воочию представив мою персону, отчаянно быющуюся в силках правого переднего сиденья. Я периодически умудрялась так запутываться в пристяжном страховочном ремешке, что не всегда выбиралась наружу без посторонней помощи...

Меня долго пытались образумить – я намертво стояла на своем. Наконец, измученный муженек не выдержал и под благосклонным взглядом уставшего судьи чисто фигурально пригрозил глупой бывшей женушке, что она вообще ничего не получит!

«Глупая и бывшая», разумеется, только этого и ждала. Сразу и фонтаны малосольные брызнули, и речки соленые потекли...

Во время спешно объявленного перерыва я продолжала принципиально хлюпать в уголке с мученическим видом. Тут ко мне неожиданно приклеилось сизое лицо капказской наружности с намордованными колючками. Лицо, к моему удивлению, изъяснялось по-ромейски грамотнее многих присутствующих. «Вам срочно нужен хороший адвокат, – доверительно внушало оно мне, – а не то по миру пойдете! Могу порекомендовать! Себя, например...»

Явно сговорившийся с несправедливым судьей, Воввий начал беспокойно поглядывать в мою сторону, не без основания опасаясь, что простая и ясная процедура может затянуться на неопределенное время. Наконец, решившись, он подошел вплотную, бесцеремонно отобрал адвокатскую визитную карточку с типично колхидской фамилией «Швилиман» и сделал беспроигрышный ход. Совершенно убитым, притворным голосом мне было объявлено, что я получу требуемое в ближайший выходной день. «Приходи и забирай. Хоть передок, хоть задок, хоть всю „пятерку“ целиком...»

Пораженная такой невероятной уступчивостью, я принялась бездарно топтаться на месте вместо того, чтобы завершить свою атакующую стратегию несложным комбинационным ударом, превращая позиционное преимущество в материальное. Соревнуясь в показном благородстве, я с высоко задраным клювом завершила, что не нуждаюсь ни в какой благотворительности и вообще не возьму ни-че-го!

Этому, разумеется, не поверили и после небольшой подготовки перешли в контрнаступление сразу на двух флангах. На ферзевом от меня ловко утаивались действительно ценные вещички, а на королевском, наоборот, в изобилии предлагалось то, что мне было совер-

шенно не нужно. Я потеряла несколько важных темпов, пропустила несложную «вилку» конем: «А пол в квартире и новый забор перед твоим задрипанным поместьем кто делал? Гроссмейстер Абу-Бакр-Ас-Сули, что ли? Нет, я и в гордом одиночестве!» – ну и в итоге очутилась в своем «поместье», доставшемся мне по наследству от родителей. (Это половина шлаконаливного домика на Грабциевой дороге. В другой его части навечно прописан полуглухой бобыль-алкоголик, ветеран Красса). С болгарской кухней и китайским магическим аппаратом «Голдштерн». Но без каменного гаража, без двуконного темно-сиреневого экипажика, без римской мебели, без новенького триполитанского мини-центра развлечений и – увы! – без общей сберегательной шкатулки с ключиком на предъявителя. То есть, на привычном с детства поле «Амба-2».

Сейчас я здесь и нахожусь – нежусь в теплой постельке и потягиваюсь разными частями тела, благо еще только пять утра очередного понедельника, а на работу мне к восьми. Тем более, что до неё недалеко: стоит только пересечь дорожку, промчаться вдоль длиннющего извилистого овражка, миновать дику яблоневую рощицу – и вот она, родимая колючая проволочка! Предъявляй пропуски, проходи идентификацию личности и приступай к активной трудовой деятельности.

Если честно, то трудиться мне совершенно не хочется. Особенно в это каждодневное июльское затридцатиградусное пекло. Бр-р-р...

Увы, в моем круглогодично действующем отопительном центре летом жара двойная, и в течение всей долгой смены приходится периодически и обильно намочить. А ведь на работе нет ни морозильного ларя, ни сифона с положенной бесплатной артезианской. И торговцев знаменитым этрусским лимонадом не пускают. Безобразие.

Однако долой кисло-пресные мысли – от них жизнь приятнее не станет. И прохладнее тоже. А потому...

А потому пора взбодриться! Значит, так: поднимаемся, сбрасываем, лениво почесываем там, где ниже; подходим, зеваем, красуемся, энергично расчесываем там, где выше; снова любимся, принимаем разные эффектные позы, показываем язык, затем томно вздыхаем и шлепаем босиком в обратном направлении. Натягиваем белые и шелковые, влезает в полосатую без рукавов, прицельно вгоняем ступни в шлепанцы, приступаем к наведению постельного порядка. Затем мягко валимся на пол и начинаем извиваться в классических разминочных упражнениях, которые плавно переводятся в легкие гимнастические. Делаем стойку на руках, элегантно отжимаемся, выполняем три кувырочка вперед, ошибаемся в расчетах и стукаемся макушкой о стенку. Повизгиваем, ощупываем, не находим, успокаиваемся и резво устремляемся в совмещенную купальню...

Освежившаяся и довольная, розовая и проголодавшаяся, я отправилась на кухню, где первым делом развела под сосудом для кипячения воды пышный голубой костер. Он немедленно зачал, как настоящий лесной, и мне пришлось его регулировать неровными поворотами испорченной рукоятки, которую то и дело заклинивало в крайних положениях. Справившись с этой нелегкой проблемкой, я вступила в традиционное сражение с не менее вредным морозильным коробом – его малость перекошенная от рождения дверца если уж открылась, то закрываться отказывалась напрочь. Уж я и прижимала аккуратно, и хлопала вызывающе и, притворившись, что смирилась с её вызывающим поведением, резко лягала пяткой... Напрасные потуги! Всякий раз после секундной паузы раздавалось противное «скрри-ии!» – и приходилось мучиться сначала.

Вот если бы, к примеру, сегодня был вчерашний выходной – тогда я, бодро напевая: «Всё равно победу, победу!», рано или поздно защелкнула бы упрямый замочек. Однако впереди меня ожидали суровые будни, а посему последовало соглашение на очередную ничью. Я приперла скрипучую мерзавку тяжелой, хромоногой скамьей, которая для этого случая была обута в старый отцовский башмак на толстой подошве. А когда завтрак будет проглочен, и сырница

с масленкой вернуться на свои полочки, морозилку для страховки придется крепко обвязать бельевой веревкой, дабы ей не вздумалось потечь. Хотя вечером наверняка размораживать придется, никуда не денешься.

Деловито отпилив блестящим ножом с мелкими зазубринками треть нарезного батона, я привычно выковыряла почти всю сердцевину и напихала в образовавшееся углубление боспорского масла, вифинского сыра и сабинянской колбасы, предварительно все это накрошив и хорошенько перемешав. Залепила отверстие мякишем, смоченным в самодельном майонезе; понадежнее ухватила сие кулинарное творение обеими руками, плотоядно оскалила зубки, прицелилась и с наслаждением вгрызлась...

Кипятильное устройство засвистело очень даже не вовремя, заставив меня спешно перетаскивать их важно фыркавшую милость на соседнюю жаровню. Липкими, скользкими пальцами, которые я не успела как следует облизать. Все же это было проще и надежнее, чем крутить наугад испорченную выключалку, рискуя одновременно и обжечься, и ошпариться.

По счастью, серый пакетик байхового чая болтался на ниточке в глубокой кружке ещё с прошлого вечера, что облегчало процесс заварки. Кофе я не пью принципиально, а также из патриотических соображений. Хотя мой патриотизм можно понять, лишь опять-таки следуя своеобразной женской логике. Согласно ей, незачем поддерживать финикийскую кофейную промышленность с филиалом в далеком сицилийском городе Мессане – гораздо перспективнее вкладывать ассы, сестерции и денарии в сельское хозяйство почти что родственной нам Колхиды. Это ничего, что после получения суверенитета она сгоряча убежала на дикие берега Понта Эвксинского – скоро одумается и обязательно вернется. Как хороши, как приятны на ощупь эти квадратные упаковочки с удивительно красивой вязью из толстеньких букв, немножко похожих на растянутые греческие!

Принципиальность же заключается в органическом неприятии черного цвета кофейного напитка как символа небытия. А если добавить молоко или сливки, то меня почему-то начинает слабеть...

К слову, истинно правильную заварку гарантирует только древнекитайский способ, когда чайники ровным слоем насыпаются в каждую отдельную чашечку поверх крутого кипятка и прикрываются сверху небольшим вогнутым блюдцем. Начинать чаепитие следует лишь в тот момент, когда все «бай-хоа» («белые реснички») опустятся на дно, и янтарная поверхность полностью очистится. Вот тогда сдвигаем блюдечко немного в сторонку и остороженько отхлебываем. И, разумеется, никакого сахара!

Да, еще во время этой церемонии следует находиться не в кухоньке малогабаритного домика, а в специально выстроенной беседке, стены которой должны быть расписаны старинными поучительными изречениями типа: «Не откладывай на завтра то, что можно съесть сегодня» или «Утреннюю работу перенеси на послезавтрашний вечер – и у тебя будут два свободных дня!»

Вдобавок очень желательна компания хороших друзей. Неженатых и при деликатесных съестных припасах...

Кстати, самое время позаботиться о них, насущных, ибо предстоит мне провести ровно половину суток исключительно на подножном корму. В принципе, имея такую надежную напарницу, как моя Полиния, можно тайком удрать на полчаса в какую-нибудь продуктовую лавочку, но это, как говорят галлы, «моветон». Да и не близко. Значит, придется жить и действовать по принципу: «Всё своё ношу с собой!»

За несколько минут я привычно состряпала невкусно-полезную рисовую кашу на воде, упаковала горшочек в несколько слоев пергамента, обмотала байкой и запихнула в специальное отделение моей вместительной походной сумки. Туда же влез и пакет с ванильными сухариками, обклеенными сахарным песком – вот и весь мой незамужний обед. А ленча с полдником не предвидится.

Мурлыкая какую-то легкомысленную мелодию и попивая ароматный чаек, я продолжала набивать свою переметную суму всякой полезной всячиной. В задней секции прямо на складном зонтике от дождя непринужденно улеглась Сафо в обнимку с Плутархом, в средней на еду навалился свежевystиранный рабочий халатик. Первый боковой карман был доверху забит женским специфическим барахлом, а вот второй (ай-ай-ай и ах!) – мужской порнографией на трёх иллирийских папирусах, которыми меня снабдила на неделю одна из наших аппаратчиц по прозвищу Шушечка – большая любительница мягкообложечных изысканных любовных романов. А периодический просмотр натурального «жёсткого порно», по её мнению, помогал реальнее ощутить романтическую страсть литературных героев.

Разумеется, определение «мужской» означало не намек на однополовое сексуальное действие, а указание на носителя активного начала...

Я взяла сей папирусный разврат из простого любопытства: как-никак, всё это еще совсем недавно было под строжайшим запретом и каралось или изгнанием, или тюремным заключением, если в деле были замешаны несовершеннолетние. Великая Римская Империя и Чистота Нравов – одно без другого как-то не мыслилось. Ну а если и мыслилось, то тайком, с соблюдением внешних приличий. Зато теперь дозволено слишком много и, по-моему, напрасно. Конечно, об Элладе, которую в жуткой спешке объявили возрожденным Культурным Идеалом, можно сказать немало хороших слов, но ведь и плохих достаточно найдется! И как раз из области морали и нравственности. Если не избежать извечного выбора меньшего из двух зол, то не лучше ли замочная скважина чем вызывающе распахнутая дверь?

Однако одеваться придется на греческий манер, ибо от моды никуда не денешься. Пристойный моему зрелому возрасту пеплос в такую жару не наденешь, поэтому легкомысленно ограничимся легким хитом. Естественно, дорийским, позволяющим полностью обнажить руки. Поясок мне, как незамужней женщине, вполне позволительно разместить не под грудью, а у талии; закрепляющая пряжка на правом плечике будет в виде голубой розы, под стать общей кайме. Потом на ножки – плетеные сандалии, вокруг запястьев – миниатюрные астрономические часики и магнитный браслетик, под мышку – солнцезащитный зонтик, в ушки – скромные сережки с бирюсинками... Вот я и готова к выходу!

2

На улице было еще достаточно свежо для поддержания в норме моего хорошего настроения, поэтому я шла не спеша, наслаждаясь прохладными прикосновениями утреннего ветерка к моим открытым рукам. Грабциева дорога в это время суток обычно пустовала, и мне совершенно не возбранялось гордо вышагивать по самой её середине, не опасаясь тяжело груженных повозок с прицепами и быстроходных колесниц. А вот вечером нужно быть более осмотрительной.

Дойдя до спуска в знакомый овражек, я достала из сумки лакомство в виде очень даже аппетитной куриной ножки (самой еще можно было погрызть...) Как всегда, мне не удалось заметить, откуда выскочил Кербос – только что его не было и в помине, и вот он уже несется впереди, хрустя выхваченной из моих пальцев косточкой. Несмотря на наше давнее знакомство и регулярные угощения, эта здоровенная, мрачная псина так и не стала относиться ко мне дружелюбнее, чем ко всем остальным-прочим. Но и посторонних близко не подпускает, а это главное. Ложбина, которую предстоит нам сейчас миновать, не слишком приятное место. Особенно в темное время суток.

Спрыгнув с валуна и осторожно обогнув заросли высокой крапивы, я вступила в неширокий проход, по обе стороны которого бесконечной угрюмой вереницей тянулись одинаковые гаражи кооператива «Ромул и Рем». Большие квадратные коробки, сложенные из неровного, грубого камня. В них зимой размещались прогулочные колесницы, а летом – расписные

возки небогатых горожан. Нехватка свободного городского пространства вынуждала строить на окраинах, почему-то тоже в тесноте и скученности. Увешанные громоздкими замками, заросшие мхом и отвратительно пахнувшей плесенью, эти неуклюжие строения казались давным-давно покинутыми. Во всяком случае, за восемь лет постоянного хождения мимо них мне ни разу не довелось увидеть никого из хозяев. А вот разных отщепенцев, подозрительных бродяг и тому подобных неприятных личностей сколько угодно.

Поворот следовал за поворотом, но ничего не менялось. Разве что мусора становилось больше, и Кербос то и дело проявлял к нему повышенный зверский интерес, явно чуя нечто съедобное или пикантное. Впрочем, так он отвлекается только по утрам, а вечерами бежит рядом со мною, напряженный и внимательный. Наверное, тоже понимает, что опасность чаще всего приходит из мрака.

Наконец, недалеко от выхода из этого лабиринта мы миновали самый неприятный участок пути, где росшие за гаражами дикие яблони подступали к ним так близко, что их перепутанные ветви образовывали над погнутыми крышами настоящие лиственные шатры. Там постоянно ночевали нечесанные, немывые, неухоженные и донельзя ленивые представители той самой опустившейся бездомной черни, которая органически ненавидела всё на свете и столь же упорно всему завидовала, что вполне согласовывалось с диалектикой Аристотеля. После краха политики повсеместного насаждения коллективных сельских хозяйств, столь угодных сердцу предыдущего Императора (говорят, из-за чар халдейских мудрецов, кои в изобилии подвизались при его дворе), вся эта внушительная масса озлобленных неудачников хлынула в города, где продолжала активно бездельничать и не менее активно сетовать на свою злую судьбу. А также попрошайничать у храмов, перед рынками и на площадях, шокируя воспитанное патрицианство и всадничество. А еще разбойничать.

Я осторожно покосилась вверх – и сразу же наткнулась на мутный, неподвижный взгляд, устремленный на меня с одной из крыш. Его владельцу было настолько тоскливо после очередного алкогольного излишества, что он даже не стал тратить время на традиционные жалобы и нытье, а сразу с надрывом произнес:

– Не пожертвует ли добрая госпожа малую толику из своих больших средств на скудное пропитание несчастному инвалиду Карфагенских и Пунических войн?

– Это одно и то же, – не без ехидства заметила я. Наверху страшно удивились:

– Правда? А ты не ошибаешься, сестренка?

– Ни в малейшей степени. Кстати, попрошу без фамильярностей! – (это предупреждение было совершенно необходимо сделать). – Лучше вот уточни, когда именно воевал: на Второй войне или на Третьей?

Наступило продолжительное молчание. Затем две грязные ручищи одновременно провели по длинной бороде и по необъятной шевелюре – послышалось мощное характерное скрипение. Я продолжала ехидно улыбаться, чем сбила с толку волосатую пасть, уже почти готовую решительно гаркнуть: «А на самой первой!» – уж первая-то Пуническая война точно была! Разумеется, но вот когда именно? Кажется, наверху засомневались, что самолично жили в ту эпоху.

– Я участвовал в Испанской кампании! – последовало, наконец, хвастливое заявление. – Сражался в десантных когортах, которыми командовал сам доблестный Сципион!

– Правда? Ой, как интересно! А какой конкретно: Гней Корнелий или Публий Корнелий?

– Ну-у-у... Э-э-э... Сначала был Гней, – сообщили мне после звучного покашливания. – А уж потом, само собой, появился и Публий...

– Старший или Младший?

С этим уточнением я перестаралась – о таких деталях «участник Испанской кампании» явно понятия не имел. Однако, как всегда в подобных случаях, на помощь растерянности пришла наглость:

– Слушай, сестричка, что-то ты об этом слишком много знаешь! Случайно, сама не карфагенская ли шпионка?

– Карфаген давным-давно разрушен до основания, а его поля засеяны солью, – вздохнула я и тихим свистом подбодрила заскучавшего Кербоса. – Публием Корнелием Сципионом Эмилианом, если ты не знал. Приемным внуком Африканца.

– Как, опять Публий?! – с негодованием возмутились наверху. – Ишь, сколько их развелось – разве всех упомнишь! Ладно, Юпитер им судья. Главное, что в результате многочисленных кровопролитных и жестоких битв мое здоровье пришло в полный упадок, равно как и общее состояние нашей Великой Империи...

– Одно неотделимо от другого, – на сей раз я с ним согласилась. – Но прошлое не поправишь!

– А вот настоящее поправить вполне возможно! Имеется ввиду мое сегодняшнее тягостное самочувствие – о, как же несправедливы ко мне бессмертные Боги!

– А может быть, смертные Императоры?

Это непозволительно дерзкое замечание обдумывали на крыше гаража минуты три, после чего мне деликатно намекнули:

– Вы бы поосторожнее выражались, о смелая госпожа! Даже, если высказанное мнение и справедливо, то все равно лучше укорять во всех бедах именно Богов. Они-то не слишком на это обижаются, в отличие от имперской власти. Честно говоря, вообще не желают на мою ругань реагировать, хотя на цветистые выражения я мастак! Поначалу подобное равнодушие меня здорово задевало, но потом я сообразил, что к чему.

– И-и-и-и-и?

– А у Богов логика совсем иная. Немасштабируемая. Ежели по Гераклиту, то отстраненная, а по Эпиктету, стало быть, условно-безразличная...

– Ага! Значит, в первом случае им до фени, а во втором – по фигу?

– Примерно так... Кстати, откуда у столь нарядно одетой красивой дамы знание такой типично плебейской лексики?

– Нарядно одетая красивая дама вынуждена вместе с плебеями работать, – надменно изрекла я, хотя осталась довольна незатейливым комплиментом (увы, не избалована). – А вот твоему знакомству с трудами эллинских мудрецов действительно можно удивиться!

– Понимаю. Мордой не соответствую. Но я же не от рождения так выгляжу – это многотрудная жизнь потрепала. А ведь было времечко, когда сам профессор Апулоний и философ Посидоний, что с Родоса, учили меня ораторскому искусству и наставляли на путь истинный!

– И всё бы ничего, да вот Вторая Пуническая помешала?

– Она самая. И если бы не мы, её инвалиды и ветераны, то неизвестно еще, как называлась бы наша Империя! А вдруг Карфагенской?

– Ох, была Империя да вся вышла, – ностальгически и вполне искренне вздохнула я. – Египет отделился, Сирия отделилась, не говоря уже о далекой Парфии. Этрускам самостийность в голову ударила... Армянский царь давно дани не платит... А уж во внутренней Фракии-то что творится!

– Ах, вы о горцах! Да ладно – обычные полудикие повстанцы, помешавшиеся на том же, на чем и этруски. Не беспокойтесь, госпожа: как говорится, мы им еще покажем Брутову мать! Лично я готов хоть сегодня отправиться на ближайший вербовочный пункт! Мне бы вот только немного подлечиться, а?

– Утоление жаждущих есть дело рук самих жаждущих, – вполне логичным стервозным тоном процедила я, однако заметив, как наверху болезненно перекосилась борода и трагически затряслась шевелюра, сжалилась: – Ладно, страдалец. Ступай-ка ты в яблоневою рощу, что начинается сразу за гаражами, и там в восточных зарослях дикого шиповника найдешь шесть целых пивных алабастров и две пустые винные амфоры.

– Да ну?! Небось, из-под афинского? Не примут...

– Насчет амфор не уверена, а вот пиво точно было наше, местное. Сама вчера нашла и перепрятала.

Дальнейших разъяснений не потребовалось. Через мгновение герой многочисленных войн (и по совместительству бывший ученик родосских перипатетиков) исчез с моих глаз, а затем под мощное «плюхх!» шумно шмякнулся о сыроватую землю по ту сторону гаражного лабиринта. Кербос дважды отрывисто рыкнул – в ответ мучительно затрещали кусты, после чего воцарилась относительная тишина. Я удовлетворенно вздохнула и двинулась в том же направлении, про себя наслаждаясь совершенным благородным поступком. В самом деле, сдавать использованную посуду такой элегантной даме как-то не к лицу – пусть уж лучше ближний мой утешится. Ну, точь-в-точь по новомодному учению иудейских христиан!

Да, шесть пустых алабастров равняются одной полной фиале молодого красного вина. Это для него. А для меня – большому брикету шоколадного мороженого. Но глупая благотворительница добровольно от него отказалась...

Рошу я миновала по южному маршруту и поэтому не могла видеть, что творилось на востоке. Судя по доносившимся характерным звукам, там шла активная поисковая деятельность.

Колючая проволока потянулась сразу за маленьким заросшим прудом, от которого, как обычно, отвратительно пахло – по вполне понятным низменным причинам. Наши охранники (что плебей Агапий, что обнищавший всадник Василиан) не любят утруждать себя длительными хождениями к общественному туалету. Впрочем, сегодняшняя ночная смена пришлась на вольноотпущенника Деметрия, совсем уж законченного лентяя. Поэтому специфическое амбре сопровождало меня вплоть до калитки. Там я привычно оглянулась – Кербоса и след простыл. Он по своему обыкновению исчез так же незаметно, как и появился.

Деметрий по традиции использовал дротик в качестве опоры для собственного долгового тела, и нынешнее утро не было исключением. Его скособоченная поза и не подумала измениться на более пристойную, когда я грациозно шествовала мимо. Мои ушки также не услышали ни утреннего приветствия, ни обязательного требования предъявить временный пропуск. Пришлось самой вызывающе наколоть его на острие.

Бодрым, деловым шагом я последовательно миновала одиннадцать рядов проволочных заграждений. Ходили страшные слухи, что некоторые из них в недалеком прошлом смазывали смертельным ядом. Я лично в это не верила, а вот одна из моих сменщиц, смазливая Наталия Вертения, не сомневалась, что всё так и было. Конечно, такой ненасытной любительнице важных мужчин лучше знать...

Возле контрольно-пропускного пункта я машинально подтянулась и быстро глянула в крошечное зеркальце, вделанное в один из клапанов моей сумки. Вид плотно сжатых бесцветных губ и остренького кончика собственного носа вполне меня удовлетворил, после чего Рубикон в виде высокого каменного порога был успешно преодолен одним прыжком.

Внутри было тихо и сумрачно, и лишь противоположный выход сиял ослепительным прямоугольником утреннего света. Не возбранялось направиться прямо к нему, и никто бы меня не окликнул, но не хотелось огорчать доброго старика Максимию таким явным пренебрежением к порядку. Поэтому мои ножки свернули к Нулевому Отделу.

3

Добрый старик Максимий уже давным-давно сидел за большим столом с очень значительным выражением на высохшем бритом лице. Блестящий бронзовый нагрудник с выдавленным оскаленным львом, который он не снимал даже в самую сильную жару, внушительно сверкал.

Я почтительно приблизилась к нашему кадровику, почтительно поклонилась и почти-тельно развернула постоянный пропуск. Его неторопливо взяли двумя корявыми пальцами левой руки, поднесли вплотную к глазам и тщательнейшим образом сравнили нарисованный полицейским художником мой портрет с оригиналом. Сходство было полнейшее, и, тем не менее, бдительный старик Максимий неодобрительно поморщился и попытался назидательно распрямить свой указательный перст руки правой. С большим трудом ему это почти удалось.

– Злоупотребляете, барышня, косметикой! – традиционное несправедливое замечание было озвучено отлично поставленным командирским баритоном, мощную густоту которого не ослабили годы. – А ведь ваш покойный отец такого не одобрил бы! Как старинный друг вашей семьи я просто обязан деликатно намекнуть...

Дальнейшие нравоучительные намеки я привычно пропускала мимо ушей, хотя не забывала время от времени качать головой в согласительном смысле. По правде говоря, никакой дружбы между нашими семьями никогда не было да и быть не могло по вполне очевидной причине социального неравенства. Если мой отец был рядовым садовником в одном из поместий Гая Мария (увы, далеко не в Байях!), то Максимий в свое время возглавлял первую смену ночной охраны в знаменитом римском дворце «Спасителя Отечества». Его строгая преданность ответственному делу понравилась и аристократу Луцию Корнелию Сулле, когда тот, разгромив силы демократов, на короткое время пришел к власти. Максимию сохранили и жизнь, и даже пост при конфискованной недвижимости. После неосторожного отъезда Суллы на войну с Митридатом и очередного захвата Рима кровавым Марием, его великолепный дворец на главной площади оказался в полном порядке и, само собой, менять начальника охраны не было никакого смысла. Когда же из-за чрезмерного пьянства и последовавшей вслед за этим белой горячки плебейский диктатор скоропостижно скончался, а разгневанный Сулла вновь и навсегда овладел великим городом, Максимий счел за лучшее тихо и незаметно уйти в отставку с благопристойной формулировкой «...ввиду прогрессирующих хронических заболеваний общего и индивидуально-частного характера». Почти сразу же он поспешно отбыл в наш захолустный городок. Это спасло его и от страшной участи бывших сторонников Мария (свыше пяти тысяч их было перебито на Марсовом Поле), и от последовавших вслед за этим проскрипций. В результате оказалось, что прогресс болезни не всегда означает регресс жизни...

– ...а в качестве положительного примера я посоветовал бы вам обратить внимание на безукоризненную внешность моей верной помощницы!

Я послушно перевела взгляд на соседний столик, за которым вразвалочку расположилась означенная верная помощница (в миру Лидия Астафия, кухня нашего городского наместника Квинта Самария Старшего). Вот как раз она и была разрисована не хуже самой распоследней портовой девки, но из-за хронического дефекта зрения, не иначе, добрый старик Максимий в упор этого не видел.

Лидия лениво ухмыльнулась, томно потянулась и вдруг коротким, точным движением выдернула мой пропуск из скрюченных пальцев кадровика. Небрежно перебросила его мне и громко сообщила:

– Анекдот в тему. Служанка из деревни советует госпоже-патрицианке: «Пейте по утрам свежее козье молоко, и у вас всегда будет замечательный цвет лица!» А та удивляется: «Так у меня же есть мидийские благовония, критская помада и пергамская пудра! К чему мне *искусственное* средство?»

Я сдержанно засмеялась. Старик Максимий остался непроницаем. Очевидно, ввиду хронически плохого слуха анекдот он попросту не расслышал.

Дважды грациозно изогнувшись в разные стороны, Лидия миновала узкий с поворотами проход и выплыла мне навстречу. Эффектная, фигуристая кобыла, лет на семь-восемь моложе

меня и значительно ниже ростом. Это позволяло ей относиться ко мне вполне дружелюбно, с некоторым оттенком покровительства.

Я не возражала и даже порой сама ударялась в небольшой подхалимаж. Сейчас подобными знакомствами не бросаются...

Проществовав мимо, госпожа помощница направилась на террасу. У самого входа она, не оборачиваясь, призывно махнула рукой. Изобразив на своем лице угодливую готовность, я торопливо засеменила следом.

Изящно опустившись на широкую скамью, обитую войлоком и мягкой выделанной кожей, Лидия закурила тонкую египетскую папирусу и, оставив золотой портсигар раскрытым, сделала предлагающий жест. Я слегка помедлила, надеясь услышать...

– Возьми две, – (ура, предположение оправдалось!) – Смена у тебя впереди длинная, еще успеешь надышаться своей жуткой отравы.

Что верно, то верно. Мои «Легионерские» даже не все ремонтники употребляют – и слишком крепкие, и чересчур вонючие. Однако же дешевле их нет, а моя заработная плата не идет ни в какое сравнение с официальными доходами прочих обитателей Учреждения. Ещё меньше получают лишь аппаратчицы из отопительного центра, но ненамного. Если по четвертому разряду, то почти неотлично.

Щелкнув простенькой кремниевой зажигалкой, я сделала продолжительную затяжку, с наслаждением вдохнув изысканный восточный аромат с берегов Нила. Вот интересно, и почему это всё самое лучшее производится непременно за границей? Когда блистательный Египет входил в состав нашей Империи, то его потребительские товары не слишком превосходили подобную же продукцию малокультурных обитателей далекой западной Аквитании. А стоило только отделиться – и пожалуйста, налицо непревзойденное качество! Не хуже, чем в самом богатейшем и цивилизованном Триполитанском царстве.

Да, удивительное понятие «суверенитет». Всем почему-то с ним хорошо, кроме нас...

Я украдкой глянула на часики (до начала смены оставалось еще двадцать минут), а когда снова перевела взор на Лидию, то к несказанному своему удивлению обнаружила, что мне протягивают цилиндрический колпачок, наполненный густой алой жидкостью. Я, разумеется, с благодарностью приняла, принялась, испробовала – о, элитный боспорский вишневым ликер был просто великолепен!

Несомненно, его владелица придерживалась точно такого же мнения, ибо не отрывалась от горлышка своей серебряной фляжки секунд пять.

Надо же, совершенно ничего не боится. И не стесняется. А напрасно – если слухи дойдут до ее вспылчивого кузена-наместника, то... Хотя истинные их отношения мне неизвестны. Говорят, что он, будучи давним сторонником демократов, собирается в своей провинции вновь дать ход старому закону «О тунеядстве» и именно вследствие этого обязал свою бездельничавшую сестрицу поступить на службу. Та неохотно подчинилась, но, явившись без опоздания утром на работу, до самого вечера продолжала принципиально бездельничать. Понятие «скука» ей было неведомо – невозмутимая Лидия могла часами и без малейшего неудовольствия созерцать малоинтересный пейзажик за окном своего КПП (плотное каре овально подстриженных невысоких тополей и трехэтажный мраморный ромб Учреждения внутри него).

– Заметила, как нервничает милейший Максимий? – с усмешкой спросила Лидия, плотно закрывая флягу и пряча ее под хитомом. – Многословным стал, аж оторопь берет! Тому есть причины. Мой братец недавно обмолвился, что Нулевые Отделы скоро будут повсеместно ликвидированы.

– С ума можно сойти! Неужели это правда?

– Очень на нее похоже. Сама понимаешь, подобная перспектива братцу поперек горла, но Рим настаивает.

– Ну, если ниточки тянутся в Вечный Город, тогда... Постой, а как же бдительность?

– А нормально. Стратегическая оборонная концепция давно кардинально пересмотрена. Триполитания больше не является нашим внешним врагом №1, так что шпиономании конец. А для защиты от внутренних этрусских сепаратистов и фракийских террористов, наверное, охрану увеличат. Хотя кому мы в нашем-то захолустье нужны?

– Не скажи. А военное предприятие – в лесу, за оврагом?

– Так оно же практически полностью разворовано! А то, что от него осталось, не сегодня-завтра продадут оборотистым германцам. Взамен они обещают спонсировать очередную избирательную кампанию... ну, сама понимаешь.

Я обдумала услышанные новости. В принципе, германцы как хозяева лучше, чем местные неповоротливые тугодумы. Зарплату наверняка прибавят... Хотя, могут и поувольнять всех к Аидовой бабушке, если не понравятся.

Лидия искоса наблюдала за мной, иронически скривив густо намазанные губки. Затем шумно вздохнула:

– О, великий Юпитер, в какой же глухомани мы живем! Где-нибудь в Афинах или даже в Сиракузах на подобной информации я могла бы недурно заработать, а тут это всего лишь очередная сплетня. Уезжать отсюда надо. И чем дальше на Юг, тем лучше.

Да-а-а... Если уж королевы вслух об этом рассуждают, то нам, пешкам, тоже позволительно.

Набравшись храбрости, я заявила:

– Полностью с тобой согласна. И вчера отослала документы на очередной розыгрыш «Измурдного Билета».

В своем родном трудовом коллективе я на подобное признание не решилась бы. Мигом подсилят – для какого-нибудь родственника, хорошего знакомого... И в результате очень даже можно ничего не выиграть, а вот работы лишиться. Недаром наш непосредственный начальник Григорий Саблюний по прозвищу «Скучный» при случае не забывает язвительно напомнить: «Кого порядки не устраивают – извольте увольняться. На ваши места большая очередь желающих!»

Это было правдой. Количество свободных предпринимателей с их «новейшей» философией риска и крупного заработка не шло ни в какое сравнение с огромной массой обывателей, желающих, как и прежде, тихо отсиживать работу за чисто символическую оплату.

Королева посмотрела на осмелевшую пешечку с чувством большого родового превосходства. Потом сожалеюще заметила:

– Это дилетантство, дорогая Грация. И шансы невелики, и перспективы сомнительные. Уезжать нужно через солидное замужество. Потом годик-другой присматриваешься; прикидываешь, что к чему, законы чужие изучаешь... Далее выгодный развод – и новая обеспеченная жизнь!

– Как просто... Нет, это не для меня. Однажды уже разводили – ничего хорошего. Сплошные унижения и убытки.

– Математику в гимназии хорошо изучала? Да? Что-то не верится. При вынужденных расставаниях умные люди обычно аккуратно и внимательно делят, а вот тебя просто-напросто вычли. Со мной подобная пифагористика не прошла бы...

(Охотно верю).

– ...и твоему подлому Воввию ни шиша существенного не досталось бы. Ну, разве что повседневный хитон да праздничная тога...

(А вот это вряд ли. У Воввия хватательные рефлексy тоже были отлично развиты).

– ...и ранняя седина на висках. Между прочим, ты что-то не торопишься найти ему замену! Временную, естественно.

Разговор, как водится, свернул на мужчин, и это позволило мне немножко развлечь Их Величество. В качестве благодарности за угощение.

Лидия смотрела мои порнографические папирусы поначалу с некоторым интересом. Затем с удивлением спросила:

– Неужели подобное убожество пользуется спросом? Откуда они пришли... ах, из Иллирии! Конечно, там про культуру секса ни слухом, ни духом. Испокон веков Венеру с Афродитой путали. На парней еще смотреть можно, а уж девки! Шлюхи четырехгрошковые, не дороже. Хотя бы гетер позировать пригласили.

– Гетеры любят хороший гонорар. А так дешево и сердито...

– ...и поразительно однообразно. Уже на третьей минуте даже вполне естественное желание мастурбировать пропадает. Кстати, ты заметила, как неприятно выглядит вблизи обнаженное человеческое тело? Сплошная грубая физиология – никакой тайны и очарования. Одним словом, для юных прыщавых акселератов и для тех, у кого возрастные проблемы с исполнением супружеских обязанностей.

– Последние три слова такую скуку навевают!

– Согласна, – Лидия весело рассмеялась и резко поднялась. – Однако все претензии здесь исключительно к противоположному полу, сколь сильному, столь же и недальновидному. Мужчины упорно ленятся смолоду следить за собой, а потом простодушно удивляются: почему из-за брюха кончика не видно, да отчего он не стоит дольше несчастных двадцати секунд... Ты не опоздаешь?

Теперь уже открыто глянув на часы, я в притворном ужасе схватилась за голову и лихо перепрыгнула через ограждение террасы.

4

Пробежав с внешней западной стороны тополиного четырехугольника десятков-другой метров вприпрыжку, мои тренированные ноги перешли на нормальный шаг. Идти предстояло недалеко. Слева на расстоянии взмаха руки ровными параллельными рядами серебрились проволочные линии последнего одиннадцатого заграждения; справа на точно такой же дистанции тихо шелестела запыленная зелень скрученной от жары древесной листвы. Изредка сквозь нее прямо мне в зрачок выстреливал стремительный снопок света, отраженный от начищенных доспехов очередного охранника Учреждения. Всего их было пятеро – по одному рядовому возле каждой из стен, и легионер в чине капрала возле самого входа.

На середине южной стороны колючая ограда расступалась, образуя широкий проход-спуск в поросший не менее колючим кустарником овраг, на дне которого и размещался мой отопительный комплекс. Так важно именовались два с половиной этажа мрачного здания, сложенного из грубого, неотесанного камня и железобетонных плит, и расположенный на его крыше гигантский бак для запаса химочищенной воды. Плюс высоченная труба из красного обожженного кирпича немного поодаль.

Осторожно спустившись по крутым, вытертым до блеска ступеням с опасными скруглениями в центре, я с независимым видом прошествовала мимо какого-то невзрачного парня, прохлаждавшегося на нашей импровизированной скамеечке (гладко обструганная доска, положенная на трубопровод горячей воды), миновала распахнутую дверь и сразу окунулась в атмосферу постоянного, ровного шума. Настолько привычную, что она уже воспринималась в качестве какого-то извращенного варианта тишины.

В крохотной операторской комнатке было немного прохладнее, чем в главном зале – градусов под тридцать, не больше. Половинка ночной смены в лице вольготно развалившейся на диване Наталии Вертении лениво поприветствовала меня взмахом обнаженной смуглой руки. Я ответила тем же и плюхнулась рядом.

– Знаешь, бабушка Меления начала меня доставать, – сообщила Наталия и добавила весьма неприличное определение для своей пожилой напарницы. – Вот уже второй раз подряд

уходит по утрам на полчаса раньше положенного, представляешь? Ей, видите ли, по хозяйству надо! Я, конечно, промолчала, но в самый последний-распоследний!

– Полностью с тобой согласна, – я лицемерно закивала головой, а затем добавила: – Однако её понять можно. Зять неожиданно умер, дочь без работы, три малолетних внука, и все постоянно болеют... Вот и приходится вертеться, как белке в колесе!

– Она больше похожа на большую, поседевшую мышь без хвоста, – сердито сказала Наталия и цыкнула зубом. – Постоянно в движении и чем-то шуршит... А ей следовало бы вести себя потише во всех смыслах. Слухи о грядущих массовых сокращениях пенсионеров теперь уже не просто «ля-ля»!

– Напрасно на это надеешься. Работающие старички и старушки сейчас выгодны любому начальству. И в плебейских волнениях не участвуют, и взносы в «фонд Запаса» послушно отчисляют. И в случае задержек с заработной платой не возмущаются, а продолжают вкалывать и вкалывать.

– Конечно! Отчего бы и не потрудиться авансом, если имеется стойкая финансовая поддержка в виде пенсии? А вот как мне прожить одной с несовершеннолетним сыном на эти жалкие сестерции? – фыркнула Наталия и возмущенно потрясла своей внушительной сумой из кожи африканского носорога, которая незамедлительно мелко и сиротливо задребезжала. – Моя мамаша, между прочим, тоже хорошим здоровьем не отличается! Ну а я и подавно. А у моего Валерианчика, заметь, переходный возраст! Ему усиленное питание требуется! Мясо, окорока и сливки! Каждый день! А иногда и ночью встает пожра... перекусить. Как я ему такой рацион обеспечу?

Я мысленно представила свою недавнюю встречу с её Валерианчиком (невоспитанный пятнадцатилетний шалопай около двух метров в высоту и столько же в размахе крыльев); вспомнила его двусмысленные шуточки и развязные приставания и очень даже засомневалась в необходимости упомянутой форсированной кормежки. Ему больше подошла бы длительная овощная диета. Или же в качестве альтернативы ежедневные работы в загородных каменоломнях вместе с общественными рабами.

– Старикашек и старушенций с насиженных, теплых рабочих местечек надо как можно скорее гнать под зад пинками, пинками! – грозно объявила Наталия Вертения и воинственно грохнула «носорогом» по столу, целя в громадную черную муху, некстати начавшую прихорашиваться. Удостоверившись, что попала, она небрежно смахнула бранные останки прямо мне на колени, а суму деловито вытерла о диванное покрывало. Глянула – скривила губы, плюнула на кожу и принялась ею снова усиленно возить по дивану. Вторично ознакомилась с результатом и удовлетворенно причмокнула. Продолжила:

– А сэкономленные таким образом денежки частично отдать мне... нам! В качестве компенсации за переработку. Такое ведь уже было?

– О, Натали, очень давно! Доплата за одиночную работу составляла пятьдесят процентов от ставки. Потом снизили до тридцати. Потом до десяти. Потом переработку запретили вовсе.

– И напрасно! Я и одна-одинешенька прекрасно управляюсь! От бабушки Мелении никакого толку, ты же хорошо это знаешь!

Я отлично знала, что в действительности всё обстояло как раз наоборот, но поправлять разгоряченную в своем праведном гневе Наталию, естественно, не стала. Как и напоминать очевидную истину: когда у нас порядок, то и одному смотрящему, по сути, делать нечего, а вот в случае аварии иногда и впятером можно не справиться. Правда, аврал случается редко, но...

– ...но ведь туповатое начальство разве переубедишь? погоди, вот кто-нибудь из наших склеротиков «хлопнет» как следует, тогда наверху зачешутся, да поздно будет!

И такое происходило. Лет пять назад, когда несносной обличительницы здесь и в помине не было. Причем не просто «хлопнули», а, выражаясь тем же самым жаргоном операторов, «раздели установку до ребрышек». Правда, сделал это не хилый пенсионер, а здоровенный

вольноотпущенник в самом расцвете лет, из самнитов. И причина скрывалась не в возрастном склерозе, а в так называемом «натуральном греческом» крепостью градусов под шестьдесят, коего было откушано на ночь глядя явно сверх меры...

– Если уж мечтать, так ни в чём себе не отказывать! – усмехнулась я. – Тогда не мешало бы еще и перестроить режим нашей работы. Сутки через трое куда выгоднее, чем двенадцатичасовые смены по скользящему графику!

– Разумеется! – важно согласилась Наталия и, наконец, встала. – К примеру, я вот честно отпахала сегодняшнюю ночку, притомилась ужасно и теперь вместо плодотворного использования дневного времени вынуждена буду отсыпаться чуть ли не до вечера! С трудом поднимусь часиков в десять – это по римскому времени, а по-нашему, стало быть, в пять пополудни – отобедаю на один зубок, ибо вот уже полгода не чувствую никакого аппетита... Только-только начну заниматься хозяйством, как глядь – уже и полночь! Придется снова принимать привычное горизонтальное положение, вот один выходной день, считай, и потерян. Безобразие!

– Насчет «привычного горизонтального» подмечено страсть как верно! – (эта ехидная фраза прозвучала со стороны двери). – Кстати, ты по-прежнему отдаешься многочисленным любовникам исключительно лежа на спинке или для разнообразия иногда переваливаешься на бочок? Рекомендую!

Мне, как и слегка покрасневшей Вертении, не было нужды поворачивать голову, дабы удостовериться, что у входа, занимая своей мощной, неохватной фигурой весь дверной проём и еще прилично сверх того, стоит моя аппаратчица мавританка Шуре́йра – ее, как обычно, выдавала крутая смесь невообразимых косметических ароматов, среди которых явственно выделялся резкий запах трехзвездочного мавританского коньяка. Дешевая подделка, между прочим.

– Не твое собачье дело, дура невоспитанная! – с достоинством ответила Наталия и показала язык. Не решившись, однако, после грубого замечания идти на возможный физический контакт с загородившей ей дорогу Шуре́йрой, она ловко выскользнула из комнатки через боковое окошко. Затем снова показалась в нём, перегнулась через подоконник и подхватила свою суму. Выпрямилась и громко оставила за собой два последних слова. Они, естественно, предназначались для мавританки и были такими:

– Извращенка черномазая!

Беззлобно фыркнув, Шуре́йра бочком-бочком протиснулась в помещение и очень осторожно присела на краешек дивана. Послышался истерический скрип и треск, сиденье ощутимо перекошилось.

– Моя Шушечка сегодня воинственно настроена! – весело заметила я, быстро возвращая ей порно-папирусы. – А с чего бы это?

– Семейные неурядицы, – ответила аппаратчица и раскатисто вздохнула. – Кстати, они косвенно и тебя касаются.

– О! И в какой степени?

– Зависит от настроения. Скажи, чего тебе сейчас больше хочется: покоя или перемен?

Я с подозрением взглядела в черную, блестящую физиономию Шуре́йры, очень похожую на пустотелую карнавальную тыкву, которую щедро вымазали ваксой, и неопределенно повела плечиками:

– Зависит от дополнительных факторов. Если покоя, то при условии его периодических модуляций, а что касается перемен – только при положительной вариативности...

– Не умничай, душечка, – хмыкнула Шуре́йра и уселась поосновательнее, вследствие чего я плавно съехала к ее крутому бедру. – Не забывай, что твоя сослуживица гимнасиев не кончала, и, между прочим, ее здоровью это пошло на пользу!

– Не здоровью, а исключительно здоровому аппетиту, – возразила я, тщетно пытаясь отодвинуться от горячего Шушечкиного бедра на прежнее расстояние. – Что весьма спор-

ное достоинство! Ты же работаешь, главным образом, для улады собственного ненасытного брюха! Точь-в-точь, как наш спец по соединениям и разъединениям... Кстати, вот и он.

Розовый утренний свет в окне померк: вместо него в течение нескольких секунд мы могли лицезреть только великанский живот спеца нашего, Самсония Сычия. Живот внушительно колыхнулся и, прогудев обычное: «Приветик, цыпочки!», неспешно поплыл дальше по коридору. Шурейра с уважением глянула ему вслед.

– Мужчина в моем вкусе! – сообщила она и томно потянулась. – Жаль, что женат, а не то я его соблазнила бы со всеми дальнейшими последствиями... Сомневаешься?

– Сомневаюсь. Тоже мне обольстительница нашлась – в сорок с лишним годочков! Вот у молодой твоей сводной сестрички это наверняка получится.

– Еще как! Вчера выяснилось, что Полиния на пятом месяце, к чему ее супруг господин Марк Гальваний не имеет ни малейшего отношения, ибо уже свыше полугода прохлаждается в Британике на предмет возобновления торговых операций по линии филиала парфянского ростовщического дома «Наследники Марка Красса». Вот та самая семейная неурядица, которая затрагивает нас обеих.

– Значит... значит, Пышечка ушла в декрет? Причем значительно раньше времени? И я осталась без напарницы?!

– Догадалась с первой попытки.хлопот тебе, конечно, прибавится, зато немного подзаработаешь.

Я прикусила губку и в некоторой растерянности принялась созерцать замысловатую Шушечкину прическу, состоящую из множества мелких косичек. Не то, чтобы я боялась работать одной, но вот захочет ли наш Скучный Король ходатайствовать насчет длительных сверхурочных для своей строптивой пешки? А без его личной просьбы бухгалтерия Учреждения может не утвердить. Не те времена.

Но и Полиния хороша! Могла бы заранее предупредить. Сколько я за нее работала, сколько покрывала частые отлучки! И... и не замечала никаких особых перемен в ее фигуре. Правда, она всегда носила бесформенную одежду размера на два больше. И вообще – лентяйка и грязнуля...

От нервного переживания мой правый бок привычно заныл-заёкал, и пришлось его крепко зажать рукой. Это заметили и участливо спросили:

– Опять аппендикс беспокоит? Давно пора вырезать. Хронический же!

– Еще чего! Меня и так мало. Поболит и перестанет... Не впервой.

Не желая отвлекать порядком озадаченную пешечку от вполне понятных раздумий, Шурейра отвернулась, сгребла со стола переговорный аппарат и, перетащив его к себе на колени, принялась зычно вызывать диспетчерскую. Дождавшись ответа, она потребовала скорейшего соединения с лабораторией, а когда соединилась, то немедленно затеяла крикливую перепалку насчет каких-то недопоставленных реактивов. Лаборантка тоже отличалась отменными голосовыми данными, и у меня сразу же зазвенело в ушах. Тихонько поднявшись, я бегло просмотрела длиннющий свиток сдачи смен, расписалась и направилась в женскую раздевалку.

Облачившись в рабочий халатик и стоптанные сандалии, я присела на широкую скамью и с наслаждением ощутила жгучее прикосновение к старому гладкому мрамору. Он, как и полуподвальные каменные своды, еще хранил восхитительную ночную прохладу – уходить отсюда не хотелось. Из глубины платяного шкафчика на меня смотрела единственным уцелевшим глазом голова неизвестной богини, недавно купленная мной в антикварной лавке – владелец утверждал, что раритет... Взгляд был мрачен и не сулил на сегодня ничего хорошего.

С трудом пересилив привычное желание вытянуться во весь рост, я вскочила, погасила светильник, вышла в коридор и, резво поднявшись на первый этаж, принялась осмысленно бегать по нему туда-сюда. Это называлось утренним осмотром оборудования.

В работе вот уже третий месяц находилась центральная отопительная установка номер два, и вначале следовало проверить именно ее. Чем я и занялась.

С первого взгляда всё выглядело вполне пристойно: обе смесительные горелки ровно и мощно шумели, чуть потише урчал воздухоуд, похожий на огромную грязную улитку. Его колесо с лопастями, прикрытое ржавым кожухом, располагалось поодаль, возле западной стены. Она состояла сплошь из высоченных прямоугольных окон, впрочем, как и стена противоположная, восточная. Я побывала и там, проинспектировала трудившийся дымосос – как и следовало ожидать, направляющий аппарат периодически постукивал, но не слишком вызывающе. Ладно, скачем дальше!

По узкой, поскрипывающей лесенке мои ноги живо взлетели на верхнюю площадку установки, где по инструкции мне предстояло продуть уровнемерные стекла и испытать предохранительный клапан. Запихнув ладошки в плотные рукавички, я принялась вертеть вверх-вниз многочисленные краны, из-под которых немедленно с угрожающим шипением повалил пар и забрызгал крутой кипяток. Подождав несколько секунд, я вернула все рукоятки в первоначальное положение, всмотрелась и озабоченно покачала головой. Уровень в правом и левом стеклах оказался разным, и какое именно из них показывало правильно – неизвестно.

Нет, на моей работе все-таки лучше без надобности ничего не дергать и поменьше совершать резких движений. Стало быть, клапан трогать мы не будем, равно как и трехходовичок Главного Указателя Давления. А вдруг сорву? Или стрелочка на ноль потом не встанет? Инструкция инструкцией, но не стоит забывать и про печальную судьбу одной неосторожной мышки из басни Эзопа, которая так увлеклась рытьем запасных ходов из норки, что дорылась до кошки. И кроме того, не хочется лезть еще дальше, на верхний «барабан» (ух, и пекло же там!) Лучше продолжим осмотр внизу: меня ждут ПСУ и ПНУ...

Подающее Сетевое Устройство не вызывало никаких нареканий – знай себе крутится и гонит воду в сеть – а вот Первая Нагнетательная Установка откровенно хулиганила, что выражалось в отвратительном поведении сальников, которые почему-то возомнили себя горячими фонтанчиками. Быстренько разыскав в мастерской ключ на 17/19, я попыталась их подтянуть, но по неопытности не справилась и, чувствительно ошпарив локоть, с визгом отскочила к стене.

Ключик остался торчать на гаечке, совсем еще новые рукавички были испачканы отвратительной жирной смазкой, настроение заметно испортилось. И чего, спрашивается, я полезла не в свое дело? Как говорят в Триполитании, нам за это не платят...

Придется идти на поклон к господам ремонтникам, ничего не попишешь.

Миновав мастерскую и свернув в грязный коридор, я прошла мимо туалетов с надписью наверху белилами: «Где сядешь, там и слезешь»; потом двинулась налево в темноту, сделала несколько шагов на ощупь и уперлась в желанную дверь, заметить которую можно было лишь по слабому световому контуру. Машинально я постучала и только потом сообразила, что не следовало бы. Вздохнув, открыла, и...

– Афродиту вашу за ногу, то ж Грация! Тьфу! Ложная тревога.

5

Эту грубятину вполне благожелательным тоном изрек Сергей Шлеппий Центаврус – здоровенный детина тридцати пяти лет от роду с вечно багровой физиономией пьяницы по призванию. Он стоял у своего шкафчика босой и как раз собирался впахнуть свои ноги в грубые башмаки. Прямо над его головой через трафарет на стене было крупно выведено каллиграфией следующее официальное сообщение:

К ВОСЬМИ ЧАСАМ УТРА РЕМОНТНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ
ПЕРЕОДЕТЫМ!

Чуть ниже туалетными белилами коряво было добавлено выразительное:

И ОПОХМЕЛЕННЫМ!

В справедливости данного замечания я никогда не сомневалась и частенько сама помогала в его реализации, ссужая малую толику сестерциев...

Сидевший на престижном месте у распахнутой настежь форточки бригадир Филиппий Гаммий, зверски вращая глазами, взревел:

– Грациэлла! Негодница ты эдакая! Ведь сколько раз предупреждали: *свои* стучать не должны! Если кто забарабанил в дверцу – значит, посторонний!

«Негодница» виновато улыбнулась и смущенно потупила глазки. Ох и ах... К Гаммию я питала некоторую женскую слабость – меня всегда потрясала его способность голосить на всю округу, не прилагая внешне для этого ни малейших усилий. Хотя чему удивляться: он же был декурионом в знаменитом «императорском» легионе и прошел всю Галльскую кампанию. Впрочем, всё это в прошлом. Сейчас Филиппий давно в отставке и получает грошовую пенсию.

– «Стучать» – это как раз привилегия именно своих, а чужие всего лишь появляются не вовремя, – невозмутимо изрек наш спец по соединительно-разъединительным работам Самсоний Сычий, вальяжно развалившийся в драном кресле, принесенном из собственного дома. – Грация, не обращая внимания на этих долбаков. Проходи, садись, закуривай...

Ну, уж нет. При мужчинах ни за что.

У ног Самсония прямо на голом полу возлежал в своем обычном состоянии полуготовности-полупростратии обмуровщик Локисидис – лохматый верзила неопределенного происхождения и возраста, вдобавок до самых глаз заросший густейшей черной шерстью. Неопрятная, клиновидная борода, похожая на изодранную, высохшую мочалку, доставала ему почти до пупа. Он, очевидно, воспринял предложение спеца в качестве руководства к действию и немедленно протянул мне свой самодельный портсигар со «Спартакскими». Я отчаянно замотала головой и сделала шаг назад.

– Ты что, деревня, совсем сдурел? – зычно осведомился мой верный защитник Филиппий. – Кто ж предлагает даме подобную отраву? Они же втрое круче «Легионерских»! Почти самосад. Грация, вот тебе мой «Консул», держи.

Это, действительно, вполне можно употреблять, спасибо... Толстая золотистая папируска была осторожно вытянута из туго набитой пачки и аккуратно спрятана в нарукавный кармашек мундштуком вверх.

Решив, что момент для просьбы получился как нельзя лучший, я проникновенным фальцетиком сообщила:

– Мальчики, а у меня сальнички текут...

– У тебя лично? – хитровато прищурился Шлеппий. – А в каком именно приятном месте?

– Место называется ПНУ-у-уу, – пропела я и коротким, точным движением пнула нахала в щиколотку. – Усвоил или повторить?

– Усвоить должна как раз ты, – (Сергий перенес экзекуцию, не поморщившись), – а именно, следующее: мы всего-навсего легкие фигуры, а руководит-то Король! Сообщи о неполадке непосредственно ему. А вот когда он отдаст соответствующее распоряжение...

– Желательно, в письменном виде и в трех экземплярах, – добавил Сычий.

– Так это само собой разумеется! Вот тогда и только тогда где-нибудь после обеда, собравшись с силами, я и Филиппий подумаем, в наших ли силах тебе помочь.

Ничего другого я не ожидала услышать и смиренно добавила:

– Но ведь нельзя же было нарушать субординацию! Вот сначала доложила вам, вы не отреагировали, – значит, пора идти к самому Королю. Смотрите, он может рассердиться!

- И фиг с ним.
- А ПНУ может сломаться!
- И хрен на неё.

Логика была обычно-безупречная, металлическая, каменная, несокрушимая... Обижаться не имело смысла, но, кажется, я машинально надула губки, ибо Гаммий немного смягчился.

– Прекрасная моя Грация, для какой надобности ты ищешь на то, что ниже твоей гибкой талии, приключений? – почти ласково осведомился он. – ПНУ течет? Ну и...

- Это я уже слышала!
- ...ну и перейди на ВНУ! В чем проблемы?
- А разве Вторая Нагнетательная Установка в резерве?

Это я ляпнула, не подумав, за что тотчас и получила со всех сторон. В течение, как минимум, пяти минут четыре здоровенные мужские глотки зычно и дружно обвиняли меня в халатном отношении к работе, ибо кто же еще, как не смотрящий, должен знать, что у него в наличии, а что в запасе?

– Эй, парни, кажется, мы отвлеклись! – подал голос второй ремонтник, сухощавый и крепкий Аркадий Арбузий, стоявший у морозильного ларя. – Как, по третьей?

– Ну, ес-тест-вен-но! – почти благоговейно произнес Шлеппий и с претензией на некоторое изящество сделал ладонью приглашающий жест. – Насыпай!

Арбузий незамедлительно извлек из-под крышки пузатенький бомбилий с «натуральным греческим» и в мгновение ока ловко разбросал мутноватое пойло по подставленным скифосам, киликам, фиалам и прочим сосудам для питья, не пролив ни капельки. На традиционное возлияние Богам было потрачено ровно на четыре капли больше – по одной от каждого пьющего. От угощения отказался лишь Сычий, коротко пояснив:

– Я за поводами.

– Да? Што-то не заметил наверху вашей колешницы, – прошамкал Гаммий, неосторожно отправивший в рот в качестве закуски здоровенный рыбий хвост с растопыренными плавниками, которого мне хватило бы на два обеда. – В какие кушты она жапята?

– Оставил на транспортной стоянке Учреждения, – сказал Сычий. – Там же навес, а городские предсказатели обещали сегодня дождь.

– А ты им не верь, – посоветовал Шлеппий, поочередно нюхая короткие рукава замасленного спецхитона. – Лучше слушай римских авгуров – они куда точнее истолковывают волю Богов.

– Сомнительно...

– Ну, может, и не всякую, но насчет погоды практически не ошибаются.

– И где Рим, а и где мы? – пробубнил обмуровщик Локисидис, тщательно обкусывая спрятавшийся под многодневным слоем грязи ноготь большого пальца. Подумал и добавил: – Далече...

– Дело не в расстоянии, а в профессиональной квалификации служителей культа, – возразил Шлеппий и почтил своим вниманием останки трехнедельной лепешки, которые намертво присохли к подоконнику. Осмотрев находку со всех сторон, Сергей поднатужился и все-таки отодрал. Небрежно кинув в рот, начал энергично жевать. Немедленно что-то хрустнуло – то ли закаменевшее тесто, то ли не выдержавшие испытания зубы... Я непроизвольно содрогнулась.

Шлеппий искоса на меня глянул, глотнул и невозмутимо продолжил:

– Кроме того, наши гаруспики, вскрыв жертвенную птицу – гуся или индюшку – и убедившись в отсутствии патологии, подчас оставляют Богам одни лишь внутренние органы, а тушку просто-напросто крадут. Разве там, на самом верху, это понравится? Сомневаюсь!

– В Риме тоже... вуррр... воруют, – сообщил Локисидис, шумно вгрызаясь в свой указательный палец. – Даже несмотря на эту самую патлатологию. Я когда-то был одним из храни-

телей священных кур и всё-всё видел. Этими курами там и завтракают, и обедают, и ужинают! Верховный Понтифик, конечно, в курсе, но помалкивает. Наверное, ему тоже перепадает. Ножка или гузка...

– Не брешь так нагло, ты еще не настолько пьян, – оборвал его Арбузий и, обернувшись к Шлеппию, иронично заметил: – Ну, а твоя слегка захмелевшая милость за свои враки отвечает?

– Ес-тест-вен-но! – повторил свое любимое слово Сергей и вольно махнул головой в вертикальном направлении, задев подбородком столешницу. – Вы только посмотрите на фантастическую харю жреца Бартоломеуса, главы местной авгурской подколлегии, – она шире чем его же задница! Вполне сопоставима с харей нашего Самсония!

– Дурак ты недоделанный, – спокойно отвечал Сычий и лениво пихнул ногой лавку приятеля. – Пьянь беспробудная...

– Чья бы мычала! Можно подумать, будто ты дома коньячок не пьешь, а ножичком на хлебец с двух сторон намазываешь!

– Когда я служил в стройкогорте, – оживился Локисидис и плюнул куском ногтя в мою сторону, – то видел, как дикие лигурийцы гуталин употребляют. Мажут, значит, на свежую лепешку и выставляют ее на солнышко. Потом черноту соскребают, а тесто со впитавшимся спиртом едят. Хорошо по мозгам бьет, сам проверял. И по ногам тоже...

– Это потому, что из мозгов у тебя имеется только мозжечок! – оглушительно заржал Гаммий. – Как и у нашего начальничка! Как и... Минуточку, что там такое? Ах, мать честная, вот уж помянул нехстати!

В самом деле, из глубины коридоров глухо, но отчетливо доносился тягучий подростковый голос, выводивший нечто среднее между призывами и причитаниями.

– Так, в темпе наводим порядок! Живее, самцы, живее!

Напоминать не стоило: мальчики наловчились менять безобразие на пристойность и наоборот за считанные секунды. Когда широко распахнулась дверь, и на пороге возникло низенькое, толстенькое существо на коротких ножках, облаченное в дорогую хламиду, скрепленную у шеи огромной золоченой пряжкой, на столике было чисто, на полу подметено, а на скамьях чинно и ровно восседали серьезные, деловые мужчины. Разве что со слегка замутненными взорами... А предательский запах «натурального греческого» почти полностью растворился в невыносимой вони «Спартанских», которыми невозмутимо дымил обмуровщик шестого разряда Локисидис.

Одним словом, все находились на своих привычных рабочих местах, кроме одной увлекшейся глупышки. Ей, разумеется, и досталось.

– Грациэлла! – завопил Король, всплеснув тонкими ручками. – Да что же это такое, в самом-то деле! Оборудование брошено на произвол судьбы, вход-выход никем не контролируется, до обслуживающего персонала я никак докричаться не могу! А персонал, оказывается, спозаранку сидит у мужиков! Прохлаждается! Развлекается! Кокетничает! Флиртует!

– Как, а разве Пышечка еще не пришла? – не моргнув глазом, удивилась я. – И Шушечки нет?! Просто невероятно!!

– Да какое мне до этих баб дело? Ты, именно ты, старшая в смене, за что стабильно получаешь надбавку, а сама...

– Об этих надбавках в приличном обществе упоминать неприлично, – пробасил Сычий и заложил ногу за ногу. – Один процент от тарифной ставки! Отцепись от нее, Григорий, сядь и перекури.

– ...а сама и ухом не ведешь! Глазом не моргнешь! Не почешешься! Задницу от своего дивана не оторвешь! Только дремлешь, вяжешь да шляешься по закоулкам, где потемнее...

– Грация, немедленно почешись перед разгневанным начальством! – громогласно посоветовал бригадир Гаммий и не менее шумно продемонстрировал, как именно это надо делать. – Задницу отрывать ему не обязательно. Хотя не помешало бы.

– ...где потемнее да попрохладнее! А на свои святые обязанности ноль внимания! А на инструкции начхать! А на правила наплевать!

Я молчала, опустив носик, глазки и вдобавок уныло повесив ушки. Возражать нашему Королю бесполезно, оправдываться бессмысленно, а соглашаться – хуже всего, ибо публичное признание своих ошибок, по его мнению, есть самое натуральное лицемерие и вдобавок хитро замаскированная форма протеста. Можно, конечно, по окончании нотаций просто-напросто послать зануду далеко-далеко по Остийской дорожке – на ворчливую брань он совершенно не обижается. А вот если бесцеремонно прервать его словесные излияния в самой середине, то... Но от этого я воздержусь.

Григорий Саблюний Скучный притомился не скоро, а когда все-таки соизволил перевести дух, то демонстративно повернулся ко мне спиной. В эту спину я немедленно скорчила несколько презрительных рожиц, за что удостоилась одобрительного кивка со стороны Сычия. Можно было потихонечку отчаливать, но мне хотелось узнать, какие задания на сегодняшний день дадут ремонтникам. От этого в большой степени зависело, сколь беспокойно проведу свою смену и я.

– Готовьтесь-ка, парни, к очередному разрытию, – буркнул Саблюний, усаживаясь на скамью рядом с Шлепием и закуривая очень популярные среди среднего начальства густо ароматизированные «Руины Карфагена». – Седьмая и двадцать пятая точки на трассе.

– Как, опять?! – громыхнул возмущенный Гаммий и грохнул по столу кулачищем. – Ведь только на прошлой неделе седьмую закрыли! Неужели прорыв?

– Нет, пока Юпитер миловал, хвала ему, хвала... Просто эти долбанные водники, как оказалось, сделали врезку на поворотном участке.

– Та-аа-ак! Значит, максимум через полгода...

– Или даже раньше, при первой же плановой опрессовке. Дадим положенные шестнадцать атмосфер – и рванем трассу к едрене фене.

– Поставь бомбилий канарского рома начальнику района, – посоветовал Сычий, – и дави двенадцатью очками. Выдержит.

– Я что, этот самый «канарский» произвожу? – возмутился Саблюний. – Или, по-твоему, у меня во дворе забил ромовый источник? Щедрый ты за чужой счет!

– Как знаешь. Не хочешь слегка потратиться – тогда рой, мучайся.

– Спасибо за сочувствие... Между прочим, – (тут Король вытащил короткий свиток с синими печатями), – пришла бумага на очередную бесплатную спецодежду. Тебе выписывать?

– А зачем? Она мне и в задницу не нужна, верно? В парадной форме похожу!

– В самом деле? – наивно удивилось начальство и, помедлив, зачеркнуло поставленную галочку. – Ну, хорошо...

Внимания на ехидные переглядывания спеца и бригадира не обратили – а стоило!

– Насколько я понимаю, – вдруг косноязычно вмешался Шлепий (а может, и с настоящим акцентом своих германских предков), – так вот, мне кажется, что всё уже по копаниям согласовано. С Козяв... с Кор-зя-ви-ем! Авлом. Районным боссом. Об чём тады базар?

Нет, кажется, я ошиблась. Судя по лексике заключительного предложения, папаша Центавруса был явно из оседлых скифов...

Григорий Саблюний как раз в этот миг деловито выдыхал дым после глубокой затяжки. Неожиданный акцент неосторожного Сергия произвел на него столь глубокое впечатление, что он вздрогнул и выронил из губ хорошо разгоревшуюся «Карфагенскую руину», которая коротко спикировала ему прямо на голое колено. В комнатке хмыкнули, фыркнули, хрюкнули,

заржали и непристойно выругались по-гречески. Я громко прошептала: «Ай-ай-ай, как нехорошо...» и отвернулась. На меня недовольно покосились, а затем внимательно всмотрелись в широко распахнутые гляделки своего подчиненного.

Похоже, что отразившаяся в них черная глубина бездонного Космоса очень не понравилась нашему Королю, ибо он отдельно произнес:

– Я могу отстранить тебя от работы.

– Эт'можн, эт'несложн, – охотно согласился Шлеппий и, вольготно вытянув ноги, спросил: – Ток'кто рыть тогда полезет, а?

Момент возник жутко напряженный и весьма чреватый, но тут очень кстати вмешался бригадир:

– А и в самом-то деле! Рабов нам дадут?

– Дадут, не волнуйся, – буркнул Саблюний и брезгливо отодвинулся от широко зевнувшего Сергия. – Десять нумидийцев и шесть иудеев.

– Маловато... Кристиан, случайно, среди них нет?

– Как-то не поинтересовался. А ты по этому поводу комплексуешь? Или принципиально против свободы совести? Готов поспорить с Римским Сенатом?

– Готов, только меня туда почему-то не вызывают, – невозмутимо ответил Гаммий. – А зря! Я бы им доходчиво объяснил, что почем и какие монеты нынче в ходу. Иногда так и тянет выбиться в народные трибуны, а потом, подобно Публию Клодию Пульхру, набрать хорошо вооруженных бандюг и на Форум, на Форум! А уж там...

– Да-а-аа... Знаменитые планы нищего горшечника. А все же надобно быть терпимее! Веришь в греко-римских Богов? Так и верь на здоровье, ты грамотный. Избранный, как говорили раньше. А эти, что в Нумидии захвачены, тупые, как чурки, и безнадежно дикие – что с них возьмешь? Иудеи же вообще фанатики...

– Все они дикие, если надо работать, и очень даже цивилизованные, когда зовут жрать, – заметил Сычий. Бригадир тотчас подхватил:

– О! Вот тут-то проблемы и возникают! Я в прошлом месяце буквально извелся во время ремонта старой трассы под Грабциевой дорогой. Пригнали, значит, из района полцентурии мордоворотов – все мускулистые, бородатые... Дал им задание и ушел на другой объект. К полудню являюсь с харчами, гляжу – ни хрена не сделали! Только дорожное полотно попортили. Я с претензией к надсмотрщикам, а они вразумительно объясняют: эти вот, у которых кости в волосы вплетены, тучку на небе заприметили, похожую на ихнего Небесного Бегемота, покровителя Неземного Покоя – стало быть, пока она не исчезнет, работать грех. Вон тем, что на песке ничком валяются и всё время бессвязно бормочут – им какие-то Подземные Голоса очередные наставления дают, а посему к нашим наставлениям они слепы и глухи. Нет, бичевать закон не позволяет – не тот случай. Да и рабы ведь районные, не городские! Я ору: а иудеи? Иудеи-то почему бездельничают? А мне почти ласково: у них сегодня Священная Суббота. Тут я аж натурально взвыл: какая же может быть суббота в среду?! Так календари, отвечают, разные, и наш, юлианский, им не указ. Спасибо, говорю, угостили мордой об стол! Стражи в ответ ни гу-гу, но в их молчании явственно чувствовалось: пожалуйста, дорогой, кушай на здоровье. Я к ним тогда пригляделся: ну, азеры же, вылитые азеры! Черножо... Впрочем, пардон, здесь дама.

– Как, еще здесь?! Грация, брысь отсюда! Иди и трудись!

– Бегу-бегу, сейчас! Филиппий, а от обеда они не отказались? Или же Бегемот вместе с Подземными не дозволили?

– Если бы! Как навалились на привезенные мной закуски – вмиг всё смели подчистую. А потом опять на землю плюхнулись, только теперь уже на бочок. Так сподручнее и за небом наблюдать, и голоса всякие слышать... И дремлетя приятнее. Что поделаешь, коли сам Рим милостиво разрешил полную и окончательную Свободу Бессовестности!

– А почему ты мне об этом инциденте не докладывал? – сварливо произнес Саблюний и встал. – Как я погляжу, многовато развелось любителей скрывать, утаивать!

– А тогда же пополудни выяснилось, что это вовсе не наша трасса, а кооператива по производству триполитанского пива по ихней же лицензии. Их представители вскорости и явились со своими рабами – по-моему, такими же прохиндеями. На этом всё и кончилось.

– Не понял, при чем тут секта христиан, о которой ты упомянул. Вроде бы смиренные, работающие люди. Практически непьющие...

– И непозволительно бедные, – ввернул неожиданно очнувшийся обмуровщик Локисидис. – Они настолько бедные, что у них всего-навсего один-единственный Бог. Хы-хы-хы-ы!

Сдержанным хохотком его поддержали Сычий, Шлепный и Арбузий. Бригадир же веселиться не пожелал, вяло заметив:

– Бог-то один, зато святых у него слишком много. То есть, наиболее ревностных последователей, через свою решительность и пострадавших. И день рождения каждого из них для истинно верующего христианина является самым настоящим праздником. Со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде долгих молений, песнопений и торжественных проповедей терпения и покорности, кои произносятся прямо перед ошавшей охраной. А нынче как раз именины Бастиана, бывшего командира преторианской гвардии, зверски замученного римскими legionерами...

– Это не в его ли честь недавно соорудили базилику на Аппиевой дороге?

– Ага. И если среди предоставленных в наше распоряжение рабов найдется хоть парочка неофитов, то о разрытии можешь забыть.

– Говорят, что далеко на севере возле пролива, отделяющего материк от Британики, обитает племя, которое вообще ни во что не верит, – удивил всех Локисидис. – Не то нервии, не то морины. А может, и адуатуки... Ох, и крутые ребята!

– Вряд ли. Ты перечислил белгские племена, а у них всеми делами заправляет каста друидов, – возразил Гаммий. – Я же сражался в тех местах, знаю. И религия у них есть, только темная, ночная, жуткая. С человеческими жертвоприношениями!

– Ну, разве что в названии ошибся...

– И все равно сомнительно. Их бы давно уже покорили – такие рабы всем выгодны. Знай себе вкалывают с утра до вечера и ни на что не отвлекаются, кроме кормежки. Мечта любого управляющего!

– В том-то и дело: слишком уж многие желают над ними властвовать. Само собой, образовалась очередь. Так что покуда будущие завоеватели между собой разбираются...

– Короче, подводим итоги, – властно махнул рукой Саблюний. – Бригада отправляется на седьмую точку и ждет, пока нумидийцы-иудейцы ее расковыряют. Дальше рабы топают на двадцать пятую, а на раскопках в дело вступает Самсоний. Он спускается в яму и быстренько курочит всё то, что присобачили к нашему поворотному участку тупые водники. При чем уродует так, чтобы жутко смотреть было!

– Сварганим, не впервой...

– Отлично. После обеда там должны появиться эти самые «спецы по воде» – я уже вызвал. Ихний бригадир, само собой, вылупит зенки и начнет выть и непристойно выражаться – тут приходит твоя очередь, Филиппий. Как, сможешь переорать водяного дурака?

Гаммий в притворной задумчивости возвел глазам к потолку, явно набивая себе цену.

– Думаю, что справлюсь, – небрежно обронил он наконец. – Правда, у Аммония Фигия бас против моего баритона, но лёгкие послабее будут. Минут на семь-восемь его хватит, не больше. Потом он заглохнет и начнет отдуваться, а тут я...

– ...а тут ты в наступившей тишине еще разок хорошенько обкладываешь отборными скифскими матюгальниками этого придурковатого Фигия со всеми его вшивыми родственниками и вонючими предками, если таковые вообще имеются. Чтобы подчиненные прониклись,

какой стопроцентный говнюк ими командует, и почувствовали себя кругом виноватыми. Ну а далее они выгребают из ямы всё, что вы им изгадили, и под вашим руководством начинают переделывать.

– А ведь до пяти не управимся, – подумав, сказал Арбузий. – Кроме того, Аммония наверняка поначалу поддержит парочка его самых холуйских людишек – поэтому один только вопёж будет длиться часов до трех, не меньше!

– А вы на что? В таком случае расклад следующий: ты шумишь справа, Сергей базарит слева, а с тыла по мере надобности Самсоний на блатном жаргоне реплики будет вставлять. Может, пополудни и я подойду, добавлю парочку весомых определений.

– О, тогда задолбаем их, как Зевс черепаху!

– А после этого вы, оставив Сычия для контроля и устрашения, валите остатком на двадцать пятую. Там меняете задвижку, и по домам!

– Ясно, годится. Пошли!

– Нет, не годится! Стойте! У меня же сальники фонтанируют! – что есть мочи запищала я и высоко запрыгала, чтобы привлечь внимание. – Сальники! Их подтянуть надо, а не то я обожгусь! Это же одна маленькая минутка!

– Увы, греночка ты моя поджаристая, там подтягивать уже нечего, – тепло обрадовал меня негодный Гаммий с подленькой ласковой улыбочкой. – Старые сальнички почти все «съедены» и надобно набивать новые. Пока ПНУ остановим, пока на ВНУ перейдем... Хлопот, как минимум, минут на сорок. Это у меня. А уж что потом у тебя будет!

Я оценила коварный намек и сразу приуныла, поскольку последствия набивки сальников на скорую руку представляла себе очень хорошо. Первый час, пока всё не приработается, не просто фонтаны, а водопады кипятка будут хлестать. А вся бригада к этому времени уже умотает на свою точку, бросив бедную операторшу одну-одинешеньку на произвол судьбы...

Убедившись, что противный Король не собирается принимать мою сторону а, глядя в окошко, равнодушно слюнявит новую «Руину», я опустила голову и медленно побрела к выходу с ужасно унылым видом. Вдобавок для усиления эффекта я старательно шаркала ногами. Может, всё же сжалятся и на пороге окликнут?

– Грация! – окликнул меня на пороге Григорий Саблюний. – У тебя с сегодняшнего дня временно новый напарник, поскольку у Полинии неожиданно в отсутствии мужа выросло пузо. Он ждет на скамейке у входа. Введи его в курс дела да смотри, не переусердствуй в духе твоей любвеобильной Пышечки! А не то я вскорости без смены останусь!

У меня уже не было сил достойно огрызнуться на эту явную провокационную гадость, поэтому пришлось ограничиться долгим, укоризненным взглядом. Тихо прикрыв дверь, я чинно вышла в коридор, поправила волосы и вприпрыжку понеслась на свое рабочее место, вся такая ужасно заинтригованная...

Чёрные фигуры: Хромой офицер

1

Возле указанного поворота на Грабцовой дороге я перевел дух и с облегчением укрылся от сумасшедшего июльского солнца за высоким пыльным тополем, который едва заметно мистически колыхался в раскаленном мареве. К восемнадцати тридцати духота и не подумала ослабеть – напротив, необязательные прикосновения легкого, сухого ветерка, хоть как-то утешавшие меня днем, бесследно исчезли к вечеру, и воздух окончательно превратился в изощренный пыточный инструмент, особенно мучительный для любого коренного северянина. С тихим ужасом я представил, что сейчас творится в этом самом отопительном центре... содрогнулся и почувствовал себя очень паршиво.

Грациэллу я заметил издали – девушка неторопливо шествовала по противоположной обочине, рассеянно вращая между пальцев левой руки распахнутый над головой солнцезащитный зонтик. Вряд ли он спасал от жары, но выглядел весьма импозантно.

Не лучший вариант у меня получился, ох и не лучший, в который уже раз подумал я. Но выбора не было.

...Всадник Максимий Луний Сулуый, к которому я обратился неделю назад с просьбой помочь устроиться на работу, что внешне, что внутренне не внушал мне особого доверия. Хотя и недоверия тоже быть не могло – я почти ничего о нем не знал. «Бывший ярый сторонник Гая Мария, – так коротко охарактеризовал его Парис. Потом подумал и добавил все тем же неопределенным тоном: – Или Сулы...»

Мило. Почти никакой разницы!

Увы, это был последний мой контакт.

Луний принял меня вполне доброжелательно. Выслушав приветственное сообщение, которое я передал от нашего общего друга, и внимательно осмотрев его перстень, он, как и все старики, задумчиво пожевал губами и осторожно осведомился, сколь быстро мне требуется трудоустройство. «Чем раньше, тем лучше, – откровенно ответил я и сразу же напористо уточнил: – И желательно с немедленным авансом! Поистратился...»

Брови у Максимия взлетели высоко вверх, а по лбу прокатились и застыли волны морщин. Когда же обычный бесстрастный вид вернулся к нему снова, то я заметил в его светлых неподвижных глазах такое верноподданническое уважение, которого, пожалуй, никогда в жизни не видел.

«Преклоняюсь перед вашей воспитанностью и чувством долга... – тихо и внушительно произнес он, давая понять, что в курсе моей миссии. – Я к вам зайду в самое ближайшее время».

К счастью, господин Луний не заставил себя ждать и явился пунктуально, минута в минуту, согласно нашей предварительной договоренности. Значительно постукивая на каждой ступеньке крылатыми сандалиями «Гермес», он поднялся на второй этаж, медленно вступил в мою комнату и сразу же прошел на балкон.

Я секунду подумал, а потом вдруг решил играть вторым номером.

«И пришлось же мне потрудиться! – (голос у Максимия был таким, словно это именно он в течение семи дней умудрился обеспечить некоей Полинии Гальвани, оператору третьего разряда закрытого отопительного центра, пятимесячную беременность). – Что ж, давайте справки, удостоверение, документы – к понедельнику приказ будет подписан».

Я нехотя протянул ему всю эту бюрократию и отвернулся, приготовившись к типичной реакции обывателя, случайно узнавшего в очереди за продуктами мое родовое имя. Надоело.

Вышла ошибочка. Если у Грациэллы при знакомстве буквально перехватило дыхание, а каждый глаз стал размером с Луну, то Максимий лишь несколько раз сухо покашлял.

«Высокорожденный патриций Леонтиск Корне... Корн... гм... Кхе-кхе!»

Я молчал, всё еще со скукой ожидая обычного деликатного упоминания о странных и удивительных совпадениях, чей смысл ясен одним лишь бессмертным Богам, и тому подобной ерунде, однако минутку спустя услышал вполне деловое замечание:

«Неужели Парис не мог изготовить нечто менее вызывающее?»

Конечно, смог бы и собирался это сделать, но... но не успел. Правда, сей прискорбный факт сообщать Максимию, естественно, не хотелось. Как и то, что он сам после выполнения поручения должен быть ликвидирован.

Впрочем, этого я в любом случае не совершил бы.

«Ксива подлинная, – немного раздраженно произнес я и добавил более сдержанно: – Разрешите не распространяться о причинах».

Ветеран и тут выказал минимум эмоций, что выразилось в медленном поглаживании своего роскошного нагрудника. Венчавший его гривастый бронзовый лев и мощью, и свирепостью явно превосходил Немейского, с которым сражался Геракл.

Стремясь поскорее убрать возникшую неловкость, я не придумал ничего лучшего, чем предложить Максимию вина. Мы вернулись в комнату, и лишь там до меня дошло, что из запасов остались только пара алабастров выдержанной «Тарпейской легенды», купить которую можно было исключительно в самом Риме.

Да и вся обстановка помпезно меблированного круглого помещения вполне соответствовала развращенным нравам Вечной Столицы. Длинные, полупрозрачные занавески на распахнутых окнах из почти невесомого колхидского тюля; изящные столики, инкрустированные старым, почерневшим серебром; огромная многоспальная кровать, затейливо убранная разноцветной афинской кисеей... Идеальная обитель для распутного с детства молодого патриция.

Не желая оставлять о себе столь нелестное впечатление, я вынужден был пояснить:

«До меня здесь проживала некая местная знаменитость по имени Флоис. Ее неистовые обожатели докупают мне до сих пор. Собираются вечерами и громко скорбят...»

«Флоис? Та самая гетера, опустившаяся до надомной работы? – уточнил Максимий и вкусно причмокнул раздавленной во рту сочной оливкой. – Которая погибла после шумного до непристойности скандала?»

«Именно так, и в этой комнате. Красавица принимала сразу нескольких состоятельных мужчин, в том числе, и одного из заместителей здешнего наместника. Они ей хорошо заплатили, однако под конец Флоис упилась настолько, что с диким визгом потребовала платы вторично. В итоге окончательный расчет она получила в виде стилета между своих роскошных грудей. Почему-то прибывшая полиция квалифицировала это как экзальтированное самоубийство в нетрезвом виде...»

«А как же иначе? – удивился Максимий, изрядно отхлебнув тарпейского. – Говорят, у дамочки с детства проявлялись суицидальные наклонности. Конечно, если бы она ублажала кучку залетных изголодавшихся мореходов или буйных в подпитии офицеров из местного гарнизона, то могли бы возникнуть определенные сомнения, а так... Сам первый заместитель Квинта Самария выступил свидетелем – чего же еще? Объяснил полицейским, в чем дело, и с достоинством оставил скорбное место...»

«А на следующий день и свой пост...»

«Поступок, достойный всяческого уважения, согласитесь! Кроме того, и господин префект продемонстрировал приверженность классическим римским традициям. Я имею ввиду

так называемый „помпейский прецедент“ – прошу простить нашу провинциальную ироничную терминологию».

«Неужели имеется ввиду какие-то неліценпріятные события из жизни Гнея Помпея Великого?»

«Отнюдь. Речь идет не о мужчине, а о женщине, хотя ее и звали Помпея. Которая забыла о своем высочайшем общественном положении и унилась до того, что принимала своего любовника, этого непотребного Публия Клодия, прямо во время закрытых торжеств *Vona Dea*. В доме Великого Понтифика, куда, как вам известно, закрыт доступ представителям сильного пола. Реакцию ее супруга помните?»

«Жена Цезаря выше подозрений?»

«Совершенно справедливо! А посему не нужно никаких разбирательств, закрытых или публичных, никаких оправданий. Решение сильных мира сего должно быть простым и однозначным: в упомянутом мной печально знаменитом римском случае – немедленный развод, в заурядном же нашем – столь же немедленная отставка. Как видите, наместник Квинт Самарий, под чьим мудрым руководством мы живем и процветаем, строго следует заветам великого Гая Юлия!»

Мне ничего не оставалось, как внушительным кивком оценить дипломатичность опытного ветерана. Не берусь утверждать насчет какой-то необыкновенной мудрости, а вот связи в верхах Рима местный правитель имел, действительно, очень серьезные. Равно как и перспективы дальнейшей своей карьеры.

Плеснув себе еще немного вина, я передал алабастр Максимию. Он бережно принял его обеими скрюченными ладонями, полюбовался на изящную гравировку, изображавшую летевшую вниз со скалы глупую Тарпею, и до краев наполнил свою фиалу. Возлияние Богам старик совершил вновь вполне пристойное, что не могло не вызвать уважения.

Вино он пил длинными, ровными глотками с долгими паузами между ними. Это дало мне возможность продумать наиболее удачную конструкцию очередного важного вопроса. Многозначительное обрамление показалось самым выгодным:

«Знаете, а ведь я не в восторге от смены, в которую попадаю! В моем положении куда предпочтительнее напарник, нежели напарница. Не находите?»

«Как вам сказать... Мне, конечно, ничего не стоит уговорить Григория Саблюния переставить равноценные фигуры, но из мужчин у него в наличии одно лишь старичье, вроде меня, – (тут господин Луний улыбнулся доброй, печальной улыбкой). – Но, в отличие от вашего покорного слуги, дедки из отопительного центра слишком уж любят посплетничать. Причем на все четыре стороны. Тогда как госпожа Грацилла Гракова просто безобидная болтушка».

«Сплетни, болтовня... Не вижу принципиальной разницы».

«Разница в наличии природной порядочности. У этой девочки она на высшем уровне, несмотря на заурядное происхождение. Если вы намекнете, что все ваши внутренние разговоры не подлежат разглашению, то, смею заверить, так оно и будет. Кстати, настоятельно советуя сразу же это оговорить».

«Любопытная провинциалочка... Она, случайно, не имеет отношения к знаменитым Гракхам?»

«Ни малейшего. Братья Гракхи – выходцы из знатного плебейского рода Семпрониев, их мамаша вообще была дочкой Циципона Старшего. А наша Грация – из семьи самого обыкновенного садовника. Поэтому лучше не...»

2

– Лучше не шевелитесь! И даже не дышите!

Это предупреждение, произнесенное громким, заговорщицким шепотом, вывело меня из раздумья. Я постарался остаться полностью неподвижным и лишь медленно перевел взгляд на расхваленную Максимием госпожу плебейку. Она уже находилась почти рядом и прижимала к выпяченным губам указательный палец. Глаза ее были большими и очень-очень страшными.

– Так, хорошо... Фью-фью, фью-фью! Тихо, милый, тихо... Ага, кажется, он успокоился. Теперь можете сделать осторожный вдох!

– Спасибо...

– Пожалуйста. Поднимайтесь медленно, не оборачиваясь... так, отлично! Идите мне навстречу и прячьтесь за моей спиной!

– Неужели это обязательно?

– Выполняйте, прошу вас!

Пришлось подчиниться. Оказавшись за столь надежным укрытием, я, наконец, счел возможным совершить полный поворот вокруг своей оси и... и невольно вздрогнул. Ибо эта кошмарная тварь тотчас совершенно бесшумно переместилась на новую позицию, идеальную для короткой атаки в один стремительный прыжок.

Я почти сразу же узнал горную фракийскую овчарку, хотя и не совсем чистокровную, ибо кто-то из ее предков явно состоял в связи с обычной пастушьей сторожевой. Вряд ли вследствие сего мезальянса у их лохматого отпрыска поубавилось природной свирепости, а вот выдержка, возможно, возросла. Во всяком случае, на это очень хотелось надеяться.

– А вот и ужин для моего Кербоса!

(Уж не обо мне ли сказано?!)

– Гляди, сколько крупных колбасных обрезочков и толстых косточек! До утра, наверное, не сгрызешь!

Грызть и не стали – просто слизнули всё одним махом широкого розового языка, после чего снова устали на нас маленькими, с виду подслеповатыми глазами. Грация вздохнула и на всякий случай закрыла меня зонтиком.

– Это мой новый напарник, – не совсем уверенно объявила она и добавила заискивающе: – Кербушка, красавчик, так мы пойдем, а?

«Красавчик» отреагировал на данный вопрос весьма подозрительно: он зевнул во всю свою громадную пасть и лениво отвернулся. Дальше могло последовать всё, что угодно: от очередного звучного позевывания до резкого броска вперед, если мы решимся стронуться с места.

Грациэлла бочком-бочком потихоньку начала теснить меня в сторону спуска с дороги. Маневр успешно удался.

– К сожалению, вы ему отчего-то не понравились, – сказала девушка, когда мы, наконец, осторожно двинулись вперед. – Кербос даже не захотел с вами познакомиться! То есть, подойти и обнюхать...

– Ужасно невоспитанный пес. А сейчас и вовсе действует на нервы: семенит сзади в двух шагах и вызывающе шумно дышит.

– Наверное, он тоже находится в состоянии некоторой растерянности. Считает вас своим конкурентом в части поедания моих бесплатных лакомств!

– Ну, тогда я в его присутствии постараюсь пореже двигать челюстями...

Грациэлла лукаво глянула на меня и неожиданно звонко рассмеялась. «Красавчик» ответил на ее веселье очень значительным ворчанием.

Гаражи, мимо которых мы неторопливо шествовали, выглядели как угодно, но только не пристанищем для мелкого индивидуального транспорта. Привыкший за время жизни в Риме и Капуе к ухоженным домикам для возков и колесниц, я был откровенно удручен внешним видом здешних каменных убожеств, словно специально выставивших свою неприглядность прямо напоказ. Речь идет даже не о понятной бедности их владельцев – напротив, мне

неоднократно попадался на глаза мрамор с красивыми бледно-голубыми прожилками, декоративный гранит и редкий фиолетовый виолан, – а о том, что все эти замечательные минералы использовались с вызывающе-грубым галльским варварством, достойным солдат самого Бренна. Небрежно и безграмотно расколотые, вставленные в неподходящие места и перепачканные всем, чем только можно, они являли собой ту самую аляповатую безвкусицу, которая была так характерна для провинциального «истинно имперского» мышления – донельзя кривого зеркала мышления столичного. И всё, что было хоть как-то уместно в Вечном Городе с его величавой историей, в любом захолустье с фатальной неизбежностью оборачивалось либо скрытым похабством, либо явной несурезицей.

Хотя, возможно, я пристрастен. Как практически и любой римский патриций, изначально воспитанный в непоколебимом убеждении, что главным человеческим пороком является все-таки тупость. А Рим можно обвинять в чем угодно, но только не в этом.

Количество разного гниющего хлама и омерзительно пахнущих нечистот увеличивалось с каждым новым шагом, однако Грациэллу это нисколько не беспокоило. Все так же беспечно вращая свой зонтик, она двигалась среди непристойной обстановки настолько точно и естественно, что в другое время меня восхитило бы ее поведение как нечто среднее между вызывающе стильным эпатажем эмансипированной ученицы стоиков и обреченной покорностью сторонницы самого мрачного иудейского декаданса в духе Экклезиаста. Но в этот июльский зной, посреди источавшего почти что осязаемый жар узкого каменного лабиринта, все мои мысли были сосредоточены исключительно на собственном аккуратном прохождении сей испытательной трассы. Чему здорово мешала больная левая нога.

Именно она меня и подвела – как всегда, в самый неподходящий момент. Ощувив знакомую тупую боль в щиколотке, я был вынужден резко присесть, очень надеясь, что моя спутница сочтет это движение естественным следствием мелкой проблемы с обувью. Конечно, непосредственная и любознательная девушка с самого начала обратила свое внимание на двойную подошву одной из моих сандалий, однако у меня не было ни малейшего желания лишней раз приковывать ее взгляд к своей укороченной от рождения и вдобавок изуродованной военной жизнью конечности.

Пока я незаметно усиленно ее массировал, Грациэлла скрылась за поворотом. И через секунду там неожиданно грянул тройной мужской хохот вперемежку с чуть более членораздельными гортанными словоизлияниями. Тоненького, протестующего восклицания: «Руки... Немедленно уберите ваши руки!» почти не было слышно.

Сказать, что Кербос меня слегка опередил – означало польстить мужскому самолюбию, но в корне погрешить против истины. Я еще и выпрямляться не начал, как он в два прыжка очутился на месте происшествия.

То, что я услышал вслед за этим, не поддавалось никакому реальному описанию, а если обратиться к ирреальности... Примерно, таким можно было бы представить звуковое оформление битвы Геракла с Лернейской Гидрой, нехстати разбавленное разобиженным визгом легкомысленных соратников Одиссея после близкого знакомства с чародейкой Цирцеей.

Ах, как бы мне хотелось с воинственным кличем одним стремительным броском очутиться в самой гуще неприятных событий, словно какой-нибудь легендарный эллинский герой! Или хотя бы подобно Кербосу... Но все, что я смог, – это ценой неимоверного усилия выпрямиться и, стараясь не хромать, объявиться среди рычащих, визжащих и непристойно выражающихся живых существ с истинно зверским оскалом на доброй протокольной морде.

Увиденное зрелище, вполне достойное самых злых мест Рима, меня не разочаровало: подвергнувшаяся наглым приставаниям, девица верещит и бестолково размахивает зонтиком, а неосторожные пылкие кавалеры терпят ощутимый урон от ее храброго четвероногого защитника. Крови, правда, не было, но одежда одного из поверженных ухажеров густо зеленела от соприкосновения со свежим коровьим навозом, а дорогой хитон второго оказался разо-

дранным сверху донизу. Что же касается третьего, то он сумел-таки сохранить вертикальное положение вместе с боевым духом, ибо отчаянно лягал теснившего его Кербоса то левой, то правой ногой, попадая, естественно, только по воздуху. Это были здоровенные, сытые, наглые уроженцы Колхиды, как обычно, небритые и вонявшие каким-то нечеловеческим животным потом. Что не мешало им успешно прибираться к рукам практически всю торговлю в большинстве ромейских городов. И в Столице тоже.

Должно быть, мой устрашающий вид испугал доблестного бойца с собакой, так как в его глупую голову пришла не менее глупая мысль немедленно завершить бой в свою пользу, после чего без помех расправиться со мной. В толстой волосатой руке заблестел кривой колхидский ханжал, ношение которого, кстати, было под запретом. Этот придурок не предполагал, что у меня может чисто автоматически сработать реакция бывшего спецназовца.

Она, разумеется, и сработала в виде короткого возгласа:

– *А-ха, а-фас!*

Но я тоже хорош. Ведь лохматый полукровка мог и не знать фракийских команд!

Однако он откуда-то их знал. И в молниеносном прыжке врезался своей огромной головой точно в объемистый живот противника.

Именно так с помощью этих овчарок брали после погони в горах повстанцев, которые намеревались драться насмерть, но требовались нашему командованию непременно живыми.

С утробным, хрюкающим звуком сраженная туша рухнула в уже порядком расплюснутую коровью лепешку, где и осталась лежать, мучительно перебирая скрюченными ногами. Ханжал откатился в сторону замолчавшей Грациэллы, и она на него немедленно наступила.

– *А-хо, а-нодз!*

Я не был уверен, что разгоряченный Кербос послушается. Но он четко выполнил и эту команду: вернулся и встал возле моего бедра – оскаленной пастью по направлению к оставшимся в тылу врагам.

Весь пьяный кайф с них уже сошел, но вместо ожидаемого испуга я увидел на двух искаженных физиономиях совсем иное, неприятное выражение. Это была не бессильная злоба обычных торгашей, случайно вспомнивших о своей гордости бывших имперских горцев, а тупая, тяжелая ненависть новых хозяев жизни ко всей остальной Вселенной, не желавшей укладываться в специфические рамки их убогого мышления – от разборок и до оттяжек.

Всё встало на свои места, когда ближайший из мордovorотов неторопливо снял разорванный хитон, на несколько секунд повернувшись ко мне обнаженной спиной. До трех считается легко – и ровно столько вытатуированных куполов храма Дианы Эфесской разместилось на смуглой коже по диагонали от шеи до поясницы. А на левом мускулистом предплечье синей размазанной грязью отпечаталась многоконечная звезда – зловещая символика «ночного авторитета».

Какая честь для захолустья! Три ходки в «зону» – а на вид этому хаму никак не больше тридцати.

У меня тоже имелось, что ему показать. Когда господин авторитет завершил плавный поворот вокруг своей оси, его глазам предстало мое оголенное правое плечо. С татуировкой двуглавого орла, распластавшего свои крылья над извилистой голубой линией Тибра.

Изображение и значение этой птицы он оценил сразу, что было заметно по тому, как резко поджались его губы под пышными черными усами. Еще секунда – и колх полностью овладел собой. Не отрывая своего бесстрастного взгляда от такого же моего, он почти без акцента медленно произнес:

– Собак положено выгуливать в намордниках, уважаемый...

Я понимал, что от манеры моего ответа напрямую зависит, сколь основательно утвердится это самое «уважение», и постарался кавказца не разочаровать:

– А пёс бродячий. Однажды прикормили – вот он и выказал нам свою благодарность.

Полное отсутствие иронической интонации лишь усилило насмешливый характер объяснения, к чему я и стремился.

Как-то нехорошо поглядели на меня после этих слов. Будто сквозь прицел портативной баллисты. Провели языком под верхней губой, отчего усы свирепо шевельнулись, и все так же медленно довели до моего сведения:

– Я запомнил тебя... колченогий. Очень хорошо запомнил! В самое ближайшее время мы снова встретимся. И раз и навсегда решим твою собачью проблему.

– Как сильно сказано! – усмехнулся я. – С тонким двойным намеком! Однако круг проблем придется чуток расширить и непременно обсудить вопрос и о том, что бывает, когда не совсем трезвые обезьяноподобные личности начинают хватать чужих девчонок. Ты хоть знаешь, что за это тут могут выдернуть ноги вместе с гениталиями не хуже, чем в твоей родной Колхиде?

– На моей родине ты давно бы уже мертвым был. Ну, а здесь живи... пока.

– Спасибо за разрешение, тронут... Грациэлла! – громко обратился я к девушке, которая незаметными движениями сандалий уже успела зарыть ханжал в песок. – У тебя имеются претензии к этой компании?

Претензии у нее были, и звонким, тоненьким стрекотанием она незамедлительно их и озвучила. Если бы не слабенькие голосовые данные, то вышло бы не хуже, чем у самой разухабистой базарной торговли.

– Ах, какие нехорошие дяди нам попались! – укоризненно покачал я головой. – Значит, хватали за недозволенное и трогали неположенное? Моей даме нанесен циничный моральный ущерб, который куда весомее вашего материального!

– Материально я тоже пострадала! Вот... застежку-полумесяц погнули и кайму голубую испачкали!

– Тем более. Придется навести о плохих дядях справки и сделать определенные выводы. А для начала я не рекомендовал бы им в ближайшие дни появляться в этой местности – вечерами ее начнут патрулировать мои парни. Понятненько?

Насчет «своих парней» я, конечно, загнул – здесь бойцам из знаменитого десантного легиона «Тибр» просто нечего было делать. Хотя не исключено, что именно пока.

А вот к здешним эдилам придется обратиться. Точнее, к одному из них – Сексту Манилию Флакку. Тоже из боевого братства, и помочь не откажется.

На мое последнее заявление «законник» попросту не отреагировал. Сам же он всё сказал. Действительно, крутой тип.

Сплоченной, компактной группкой мы неспешно двинулись дальше, причем Кербос по собственной инициативе переместился в авангард. Очевидно, в моей надежности как замыкающего он убедился.

– На работу здесь временно не ходи, – предупредил я Грациэллу, когда гаражная ловушка осталась позади. – Вряд ли эти любвеобильные кобели начнут тут пастись стаей, но береженую и Юпитер бережет.

– Честное слово, такое произошло впервые, – оправдывающимся тоном поведала девушка. – Ходить затемно, конечно, бывало немножко страшновато, но вполне безопасно. Да и многие привыкли этой тропкой путь сокращать!

– По собственному опыту знаю, что настоящая гадость сваливается на голову всегда неожиданно, – заметил я. – А тот, с татуировками, и в самом деле опасен.

Да, особенно, если он «смотрящий» у римской братвы по этому региону. Хотя покойный Парис считал, что выходцев с берегов Эвксинского Понта сюда руководить не направляют.

Ничего, выясним.

3

Тревожный инцидент отнял у нас довольно много времени, и пришлось перейти на быстрый шаг. Впрочем, это не мешало Грациэлле то и дело посматривать в мою сторону со все возрастающим женским интересом. Разумеется, она тоже заметила моего орла и, не исключено, хорошо представляла, кому и при каких обстоятельствах его накалывают. Надобно сегодня же воспользоваться дельным советом заботливого Максимиана Луния и предупредить эту явную любительницу поболтать, посудачить и посплетничать, чтобы она не использовала меня в качестве главного действующего персонажа в своих традиционных бабских спектаклях под девизом: «А уж я та-а-а-кое узнала!» С обязательным внешним оформлением в виде закатанных к потолку, горящих от возбуждения глаз...

Вот только как практически это осуществить? Не станешь же дышать ей в ухо хриплым, заговорщицким шепотом: «О том, что с тобой работает ветеран боевых действий во Фракии, никому ни-ни!»

Тем более, что по официальным сообщениям Имперского Министерства Информации и Пропаганды никаких боев и не было. Изредка имели место незначительные стычки с отдельными бандформированиями (последнее словосочетание обычно пишется мелким шрифтом, а произносится невнятной скороговоркой).

Да, экс-ветеран и вице-инвалид в тридцать лет – и смех, и грех, честное слово. Но смешок грустный, а грех не мой.

Буквально через минутку-другую мне пришлось наглядно убедиться в том, что языковые возможности моей новой знакомой нуждаются в скорейшем ограничении. Завидев одуревшего от немилосердного дневного пекла толстого охранника, который сидел прямо на земле в позе террамарского каменного истукана, она возбужденно всплеснула руками и устремилась к нему. Я тревожно поискал глазами Кербоса, опасаясь непредсказуемой собачьей реакции, но его нигде не было видно.

Серьезный зверь. С чувством собственного достоинства. Не раб, не слуга, но компаньон, и никак не меньше. Такого просто приручить проблема, не говоря уже о дрессировке.

В странный городок нашей несчастной Империи забросила меня непредсказуемая Фортуна! Куда ни кинь взгляд – чуть ли не каждый личность в своем роде. Что на двух ногах, что на четырех. И сей неожиданный факт заставляет находиться в постоянном нервном напряжении. А это не есть хорошо, как говорят наши соседи германцы. Кстати, отсюда до их границы рукой подать. Что есть уже неплохо...

Ладно, в данный момент утешает и то, что хотя бы толстый сторож с длиннющей деревяшкой поперек собственного пуза, рассеянно внимающий заливистой Грациэллой трескотне, весьма и весьма далек от высокоразвитого индивидуума. Обыкновенный тихий обыватель на службе – и слава Зевсу, что такие еще не перевелись. Сидит себе, бедняга, с растопыренными ногами, прислонившись прямо к колючему забору, да круглым щитом неуклюже обмахнувшись пытается, отчего потеет еще больше...

О, могучий Арес, какой же идиот вручил стражу копье?! Что он им сможет сделать в случае опасности? Драться, как дубиной, на манер киликийских пастухов?

Грация расположилась перед ним на корточках, но и в этом положении была выше почти на голову. Ее никоим образом не устраивал пассивный слушатель – она то и дело пыталась расшевелить его воображение, толкая сложенным зонтиком, куда придется. Вялые попытки прикрыться все тем же щитом явно запаздывали.

Я подошел ближе.

– ...и ты просто представить себе не можешь Агапий какво это было когда неожиданно втроем наскакивают из-за угла и внахаловку хватают а меня защитила собака и значит не зря

я ее подкармливала больше года она как бросится как зарычит то есть наоборот или нет даже одновременно а потом Леонтиск scomандовал и Кербос прыгнул прямо на нож огромный такой нож с блестящим кривым лезвием который летел точнехонько мне в глаз но я вовремя уклонилась вправо или влево нет все-таки вправо но с небольшим наклоном назад...

Я аккуратно обошел «отклонившуюся назад» и, наклонившись вперед, предъявил охраннику в раскрытом виде свой новенький постоянный пропуск. Ни на секунду не закрывая рта, Грация тоже извлекла собственный документ в потрепанной кожаной обложке и суетливо захлопала им перед одутловатым лицом утомленного Агапия. Тот, очевидно, воспринял эти жесты в качестве обмахивающих и ответил слабой благодарной улыбкой.

Выждав с минутку, я тихонько потянул за резную ручку зонтика. Это не возымело ни малейшего эффекта. Тогда пришлось приложить определенные физические усилия, вследствие чего мне удалось-таки сначала придать Грациэле почти вертикальное положение, а затем и заставить совершать мелкие поступательные движения. Правда, задом наперед, ибо она никак не хотела завершать свое эмоциональное повествование о наших боевых приключениях в овраге. И только, когда мы вступили в проход между рядами ржавеющей проволоки, и девушка потеряла своего подневольного слушателя из виду, она замолчала. Просто утасла на середине предложения.

Ее неудовольствия я, признаться, не уловил, да и сама пауза длилась всего лишь несколько неровных вдохов-выдохов, после чего информационное вещание возобновилось в полном объеме. К моменту спуска в котловину, где методично и безжалостно источал свой грохот и жар отопительный центр, я уже знал практически всё об особенностях функционирования устрашающего колючего заграждения, которое наглухо замыкало в гигантский пяти-мильный прямоугольник означенный наш центр, бюрократическое Учреждение с группой подсобных хозяйств и засекреченную базу, спрятавшуюся за оврагом в лесу. Однако, несмотря на рассказанные зловещим тоном всяко-разные ужасы о ядовитых шипах и лабиринтах-ловушках, подстерегавших неосторожных шпионов, мне как-то мало верилось во все эти страшилки. Даже в то, что они существовали в недалеком прошлом. Конечно, имперские военные в те благословенные годы не страдали от нехватки талантов – не стратегических, разумеется, а денежных – и все же одиннадцати железных линий, ошетилившихся грозными остриями, сверх головы хватало для надежной защиты от любой диверсионной группы. Да что я говорю – достаточно было бы и пяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.